

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права
_____
(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.04.01 Юриспруденция
_____
(код и наименование направлению подготовки)

Уголовное право и процесс
_____
(направленность (профиль))

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

на тему «Проблемы квалификации кражи»

Обучающийся

О.В. Королева

_____
(Инициалы Фамилия)

_____
(личная подпись)

Научный
руководитель

канд. экон. наук, С.Б. Сыропятова

_____
(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2023

Оглавление

Введение	3
Глава 1 Исторические аспекты развития уголовной ответственности за кражу в российском и зарубежном законодательстве.....	6
1.1 История развития уголовной ответственности за кражу в российском законодательстве	6
1.2 История развития уголовной ответственности за кражу в зарубежном законодательстве	19
Глава 2 Уголовно-правовой анализ кражи	25
2.1 Объект и объективная сторона кражи	25
2.2 Субъект и субъективная сторона кражи.....	30
2.3 Квалифицированные виды кражи.....	33
Глава 3 Проблемы уголовной ответственности за кражу и отграничение её от смежных составов преступлений	38
3.1 Проблемы разграничение кражи, присвоения, находки.....	38
3.2 Разграничение кражи с использованием платежных карт и мошенничества	50
Заключение	66
Список используемой литературы и используемых источников	69

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью уголовно-правовой и криминологической характеристики кражи.

В настоящий момент прослеживается четкая тенденция к увеличению количества преступлений связанных, как непосредственно, краж, так и опосредованное совершение данных преступлений. Причинами такой негативной тенденции можно выделить: низкий уровень социального обеспечения населения, меняющийся, в худшую сторону, морально-нравственный облик, а также нельзя не отметить результаты экономической деятельности всего государства.

Кража – одно из самых актуальных преступлений как для теоретической части уголовного права Российской Федерации, так и для непосредственно для всего народа в целом и потому для научного сообщества, кража является приоритетной задачей с уголовно-правовой и криминологической точек зрения.

Исходя из тех данных что такое преступление как кража, является одним из самых совершаемых на территории России, есть прямая необходимость выработки новых и эффективных мер правового, социального или иного характера по уменьшению количеств случаев, связанных с незаконными посягательствами на имущество иного лица.

Степень разработанности темы исследования. Теме краж в российской уголовно-правовой науке уделяется достаточно большое внимание. Данная тема нашла отголосок в работах Г.А. Аванесова, Ю.М. Антоняна, Г.Н. Борзенкова, Ю.В. Бышевского, В.В. Векленко, В.А. Владимирова, Я.И. Гилинского, А.И. Долговой, А.Ф. Зелинского, К.Е. Игошева, М.М. Исаева, И.И. Карпеца, М.П. Клейменова, В.Н. Кудрявчева, С.И. Курганова, Н.Ф. Кузнецовой, Л.М. Прозументова, А.Б. Сахарова, И.Я. Фойницкого, Г.Ф. Хохрякова, В.Э. Эминова и других авторов.

Невзирая на такое особое внимание к данной теме, ряд спорных вопросов и по настоящий день остаётся довольно немало, по ним существуют различные взгляды. К тому же, данные исследования были проведены без учета преобразования института уголовной ответственности за совершение хищений.

Объектом исследования выступают общественные отношения, образующиеся в следствии совершения кражи в области законодательной регламентации и практического применения норм уголовного законодательства об ответственности за кражу в российской Федерации.

Предметом исследования являются уголовно-правовые нормы Российской Федерации, определяющие признаки квалификации и ответственность за совершение кражи.

Целью работы является исследование кражи и её уголовно-правовой характеристики по законодательству российской Федерации.

Поставленная цель обусловила необходимость решения следующих задач:

- изучить историко-правовые аспекты эволюции норм ответственности за кражу в Российском государстве;
- рассмотреть понятие кражи и подходы к её определению, динамику данных преступлений;
- изучить квалификационные виды краж;
- выявить особенности назначения наказания за кражу по законодательству Российской Федерации.

Методологическая основа исследования. В ходе написания работы использовались следующие методы исследования: анализ, синтез, описание, сравнение, толкование правовых норм, сравнительно-правовой, системно-структурный, формально-логический.

Нормативную основу исследования составили такие акты, как Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации.

Кроме того, в исследовании проведен анализ материалов судебной практики.

Теоретическую базу работы составили труды таких авторов как Н.С. Рачковой, Д.А. Шестакова, М.М. Савченко, О.А. Солиной, Е.В. Хромова, Ю.Г. Шпаковского, И.А. Юрченко, Головановой Н.А., К.Н. Карпова, П.С. Яни и другие.

Практическая значимость исследования. Результаты работы имеют практическую значимость, содержат выводы, предложения по совершенствованию норм российского уголовного законодательства. Изложенные в работе выводы, и результаты изучения проблемных вопросов могут быть полезными в деятельности практических работников.

Структура работы определена целью и задачами и состоит из введения, трех глав, заключения, списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Исторические аспекты развития уголовной ответственности за кражу в российском и зарубежном законодательстве

1.1 История развития уголовной ответственности за кражу в российском законодательстве

Исторический опыт играет важную роль при анализе любых вопросов. Указанное определяет дальнейшее отношение к отдельным затрагиваемым темам, которые характеризуются наличием проблемных аспектов, а также техники по разрешению указанного ранее, используемых в изучаемый исторический временной промежуток. В случае анализа правовых актов, направленных на регламентирование уголовно-правовых отношений, необходимо отметить, что прослеживаются определенные проблемные аспекты, на разрешение которых направлены указанные акты. Вышесказанное позволяет дальнейшему анализу уголовно-правовых вопросов и в целом сфер деятельности социума.

В первую очередь необходимо отметить, что на протяжении всего процесса исторического развития социума как единой общности, одним из распространенных видов преступных деяний, являлось тайное хищение имущества.

Учитывая указанное выше, с древнейших времен личное имущество являлось самым значимым и охраняемым объектом и с уголовной точки зрения. Из-за указанного нормативно-правовые акты, регулирующие уголовно-правовые отношения, на протяжении всего исторического пути развития общества, регламентировали положения, устанавливающие условия привлечения к уголовно-правовой ответственности за совершение кражи. Включались указанные положения и в текст уголовных нормативно-правовых актов Российской Федерации.

В нынешнее время отношения собственности составляют фундамент всех имущественных сфер и из-за этого требуются соответствующее сохранения безопасного состояния и в государственных, и во всемирных законах. В Российской Федерации экономическая сфера требуется в охране на уровне акта, обладающего высшей юридической силой. А именно, Конституцией закреплены отчуждаемые лишь судебным решением права на обладание собственными вещами и индивидуально, и группами.

В Российской Федерации имущественные отношения защищены на конституционном уровне. Согласно статье 35 Конституции Российской Федерации «каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами» и что «никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда».

Исходя из позиций ученых, рассматриваемое преступное посягательство является одним из самых первых неправомерных деяний, направленных на изъятие не своей собственности. Именно по этой причине основополагающие положения уголовно-правовой доктрины в экономической сфере начали создаваться де-факто вместе с появлением отдельных государств.

Первородный социум создавал соответствующие положения, допускающие самосуд в необходимых случаях. Так, в случае получения материального вреда самосуд давал право осуществления мщения путем лишения жизни преступника или изъятие группы людей, сообщества, к которому преступник относится [1, с. 55].

В последующем уголовно-правовой опыт стал применять следующее: при совершении кражи, основываясь на принципе справедливости, преступник обязан был осуществить возмещение имущественного ущерба потерпевшему. Данные руководящие положения позднее преобразовались в фундамент для последующего развития как зарубежного, так и российского уголовно-правового закона [37, с. 16].

Начальные формулировки санкций за тайное хищение имущества можно найти в положениях межгосударственных соглашений.

Социально-правовое последствие за совершение тайного хищения имущества подробным образом было отражено в Русской Правде. В данный период времени тайное хищение имущества получило название «татьба».

Беря в расчет, что в данный период времени тайное хищение имущества считалось наиболее общественно опасным преступным деянием, чем грабёж и разбой, в силу того, что потерпевший не имел возможности противостоять преступнику. Более того, тайное хищение имущества подвергалось более суровому общественному осуждению, нежели открытые виды хищений [47, с. 40].

Строжайшая ответственность в качестве денежного взыскания предусматривалась за тайное хищение имущества, находящегося в собственности князя. В том случае, если убийство вора на месте происшествия было совершено в ночное время, то за данное преступление не предусматривалась уголовная ответственность. Так как, оно квалифицировалось как самооборона. В правовых нормах Русской Правды за совершение конокрадства устанавливалась высшая мера наказания – поток и разграбление [37, с. 45].

Ю.Г. Шпаковский указывает, что «В нормах Псковской судной грамоты 1467 года различались такие виды краж, как простая и квалифицированная. К числу простых краж были отнесены такие, как кража скота, сена, совершенная в первый или второй раз. В свою очередь, к числу квалифицированных краж были отнесены такие, как кража, совершенная в третий раз, конокрадство, а также «кримская» («кромская») татьбы» [54, с. 148].

Простые и квалифицированные виды данного преступления отражались в Судебнике 1497 года. К квалифицированным были отнесены такие тайные хищения имущества, как: церковное, головное, повторное, а также первая кража с поличным, совершенная «ведомым лихим человеком». Прочие виды

данного преступления рассматривались как простые. В добавок, стоимость похищенного имущества для квалификации роли не играла [50, с. 154].

Церковная кража считалась не только имущественным преступлением, но и осквернением святыни, иными словами рассматривалось как посягательство на церковь, которая в свою очередь являлась важным государственным институтом. При этом, ученые полагают, что уголовная ответственность по такой статье устанавливалась за тайное хищение имущества церкви, но не граждан, находившихся в церкви.

Одна группа исследователей рассматривает «головную татьбу», как тайное хищение холопов и крестьян. Другая группа считает, что в данной статье имелось ввиду тайное хищение свободных граждан, для обращения в холопы. И последняя группа считает, что под «головной татьбой» понималось тайное хищение, при совершении которой произошло убийство.

Под кражей с поличным, совершенная «ведомым лихим человеком», считалось тайное хищение имущества, находящегося под замком. Кого имели ввиду под «ведомо лихим человеком», в настоящей науке нет общего мнения.

Необходимо подчеркнуть, это выражение изначально появилось как раз в Судебнике 1497 года. Среди прочего, в данном законе был закреплен термин «добрые» люди, под которым считались члены сословий или черного крестьянства, о которых было благоприятное мнение.

«Добрые» люди, с позволения закона, имел право самостоятельно признавать «ведомо лихим человеком» любого. В добавок, необходимо было дать обет и скрепить его целованием креста. После признания «ведомо лихим человеком», такой гражданин подлежал смертной казни. С противоположной точки зрения, «ведомо лихим человеком» считался рецидивист или гражданин, регулярно занимающийся кражами и грабежами.

За совершение простой кражи, в качестве санкции, предусматривалась торговая казнь, которая заключалась в избиение преступника кнутом на торговой площади или других общественных местах.

Кроме этого, причиненный потерпевшему материальный ущерб, преступник обязывался возместить в полном объеме. В случае нехватки у преступника денежных средств для возмещения причиненного им ущерба, он передавался потерпевшему в холопы до полного возмещения причиненного материального ущерба.

По сравнению с Судебником 1497 года, в Судебнике 1550 года санкции за различные виды краж были значительно расширены. Вместе с приведенными выше мерами, преступник должен быть выдан на «крепкую поруку». Она заключалась в передаче преступника под поручительство лицу, имевшему положительную репутацию и стабильное положение в социуме.

До тех пор, виновный находился в тюрьме. Кроме этого, если виновному не хватало денежных средств на возмещения причиненного им вреда, то применяли в отношении виновного выдачу «головой на правез до искупа».

Указанное действие предполагало, что в конкретное время, виновный выставлялся перед зданием суда или приказом, где его осудили, и были избиты батогами по ноге. Такое наказание виновный получал каждый день, за исключением праздничных. В случае, если этому наказанию подвергали феодала, то он имел право отправить холопа на его отбытие.

Простые и квалифицированные кражи упоминались и в Соборном уложении 1649 года. К квалифицированным кражам относились как: церковная, конокрадство, кража, совершенная на службе, государственном дворе, в том числе кража овощей из огорода и рыбы из

В Соборном уложении 1649 года также выделялись простые и квалифицированные виды краж. К числу последних относились такие, как церковная кража, служебная кража, кражи скота, а именно коней, кража государственного имущества, садовые кражи. Основная часть составов преступлений, устанавливающих основания уголовной ответственности за кражи, была закреплена в 21 главе «О разбойных и татиных делах».

В случае совершения виновным тайного хищения имущества первый раз, мера наказания предусматривалась в виде торговой казни, отрезке левого уха или заключение в тюрьму на два года.

Имущество, находившееся в собственности виновного, переходило в собственность потерпевшего от преступления. За рецидив, срок наказания становился больше, вплоть до лишения жизни. Кроме того, законодательно закреплялось наказание для тех, кто содействовал виновному избежать наказание [39, с. 164].

В главе «О зажигании, грабительстве и воровстве» Артикула воинского 1715 года предусматривалась уголовная ответственность за кражу. Новеллой Артикула воинского является тот факт, что в рамках него произошло разграничение краж с учётом размера причиненного имущественного ущерба. А именно, в число простых краж были отнесены такие, размер ущерба от которых был равен сумме до 20 рублей. Следовательно, кражи, которые причинили ущерб, превышающий данную сумму, относились к числу квалифицированных.

Кражи церковного или казенного имущества, преступления в экстремальных погодных условиях, кражи могильные и караульные кражи были отнесены законодателем к квалифицированным. Устанавливалась также ответственность для лиц, содействовавших виновному.

В качестве наказаний за простую кражу предусматривались побои шпицрутенами с прогоном виновного шесть раз через строй. При этом, рецидив, данное наказание увеличивалось, а за совершение третьей кражи, преступник подвергался ссылке на каторгу, перед этим, ему отрезали уши и нос. За все квалифицированные кражи предусматривалась смертная казнь, в том числе и за кражу, совершенную в четвертый раз.

При этом, законодателем предусматривались условия, в которых можно было смягчить наказание за воровство. К таким обстоятельствам, в частности, относились «голодные нужды». К несовершеннолетним и юношам, которые совершили кражи, не применялись уголовные наказания.

В период правления Екатерины Великой санкции за совершение тайного хищения имущества кардинально расширились. А именно, в это время был издан Указ 1781 года «О суде и наказаниях за воровство разных родов и о заведении рабочих домов во всех Губерниях».

Юридическая сила указанного акта действовала на граждан, причинивших ущерб, не превышающий 20 рублей. Равным образом, такие граждане должны обвиняться в совершении не более, чем третьей кражи. За совершение краж, причиненный ущерб от которых превышал сумму в 20 рублей, или за совершение четвертой кражи, преступнику надлежало избрать такую меру пресечения, как заключение под стражу и подвержение судебному разбирательству. В то же время, рассматриваемым актом отвергается термин «татьба». Впервые на законодательном уровне в отношении тайного хищения чужого имущества стал применяться термин «кража».

Необходимо отметить такой законодательный акт, как Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, в котором согласно статье 2146 было зафиксировано определение кражи. В соответствии с данной правовой нормой, под кражей понималось «...всякое, каким бы то ни было образом, но втайне, без насилия, угроз и вообще без принадлежащих к свойству разбоя и грабежа обстоятельств, похищение чужих вещей, денег, или иного движимого имущества».

Среди прочего, в его нормах акта были разграничены следующие разновидности краж, в зависимости:

- от предмета кражи выделялись такие виды краж, как простая кража, кража документов, конокрадство и др.;
- от субъекта выделялись такие виды краж, как семейная, домашняя, кража, совершенная слугами, проживающими совместно с потерпевшими и др.;

- от обстановки и способов совершения преступного деяния выделялись такие виды краж, как со взломом, кража, совершенная ночью, кража, совершенная из транспорта и др.

Кроме этого, указанный законодательный акт не предусматривал смертную казнь в качестве меры наказания за кражи. К числу наказаний, применяемых в отношении лиц, совершивших кражи, были предусмотрены отправление в исправительные арестантские роты, лишение всех прав со ссылкой на поселение в Сибирь. Если обвиняемый имел дворянское происхождение или относился к духовенству, то в качестве меры наказания к нему применялось лишение всех особых прав и преимуществ.

Из всего вышесказанного, думается логичным сделать вывод о том, что на протяжении истории Российского государства, фактически всеми историками права предусматривалась уголовная ответственность за кражу. Вдобавок ко всему, правовые источники разделяли тайное хищение имущества на простые и квалифицированные, хотя основания дифференциации существенным образом отличались.

Стоит отметить, что к числу наиболее тяжких видов краж в действительности на протяжении всей истории относились кража казенного и кража церковного имущества. По-настоящему разграничение краж в зависимости от размера причиненного ущерба была предусмотрена Артикулом Воинским 1715 года.

Переходя к советскому периоду развития законодательства, можно отметить, явный классовый характер в праве. Декретом СНК от 24 ноября 1917 года «О суде» отвергались дореволюционные положения, если они противоречили позиции власти.

Заложение основы установления уголовной ответственности за кражу новой властью связана с принятием Всероссийским центральным исполнительным комитетом и Советом народных комиссаров Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 01.06.1921 года «О мерах борьбы с хищениями из государственных складов и должностными

преступлениями, способствующими хищениям». В рамках данного акта был закреплен перечень таких деяний с закреплением мер уголовной ответственности за их совершение [44, с. 92].

В ситуации совершения рассматриваемого преступления в отношении имущества государства, без обстоятельств, отягчающих деяний, санкция составляла до 3 лет лишения свободы. В диаметрально противоположном случае же – смертная казнь в виде расстрела.

Радикальное ужесточение уголовного законодательства за кражу имущества государства произошло в 30-е года. К примеру, следует отметить постановление Центрального избирательного комитета и Совета народных комиссаров Союза советских социалистических республик «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» от 07.08.1932 года.

Если преступление совершено при обстоятельствах, смягчающих содеянное, то появлялась возможность изменить смертную казнь на лишение свободы на срок не менее 10 лет. В тоже время, амнистия не распространялась на граждан, которые привлечены к уголовной ответственности по данным составам.

По прошествии времени было принято Постановление Пленума Верховного Суда Союза советских социалистических республик «Об итогах применения в судебной практике Закона от 07 августа 1932 года», в содержании которого было выделено, что вышеперечисленные предпосылки к уголовной ответственности должны исходить из факта совершения регулярных хищений социалистической собственности. В правоприменительной практике же указанные законы применялись более широко.

В целях изменения данного положения 27 марта 1933 года Президиум Центрального избирательного комитета Союза советских социалистических республик было издано новое постановление, в соответствии с которым

вышеуказанные основания уголовной ответственности не должны распространяться на мелкие хищения социалистической собственности, совершенные впервые по мотиву нужд, неосознанности и других смягчающих обстоятельств.

Отмена постановления 1932 года произошла только после вступления в законную силу Указа «Об усилении охраны личной собственности граждан». В соответствии с данным законом, грабеж, без применения насильственных действий, приписывался к числу краж. Следственно, под кражей стало подразумеваться как тайное, так и нетайное хищение чужих вещей.

Уголовный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики 1960 года разделял соответствующее наказание, за совершение рассматриваемого преступления, имущества государства и частных вещей физических лиц.

В то же время, наказание за совершение хищения частных вещей физических лиц была предусмотрена главой V Уголовного кодекса Российской Советской Федеративной Социалистической Республики 1960 года. Вдобавок, за хищение социалистической собственности были предусмотрены более суровые наказания, нежели за хищение частного имущества физических лиц. При этом, грабеж без применения насилия был снова выделен законодателем в самостоятельный состав. Следовательно, под кражей вновь стало означать только тайное хищение чужого имущества.

О.М. Солина отмечает, что «Указом Президиума Верховного Совета РСФСР «Об усилении материальной ответственности за хищения государственного и общественного имущества» от 16 января 1965 года в УК РСФСР была смягчена уголовная ответственность за кражу социалистической собственности. Указанным нормативным актом была установлена уголовная ответственность за хищение государственного или общественного имущества в небольших размерах, под которым подразумевалась кража, размер ущерба от которой составлял от 50 до 100 рублей, и которая была совершена впервые. Данное преступление предусматривало наказание в виде штрафа, размер

которого составлял трехкратную стоимость украденного имущества» [42, с. 82].

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 13 декабря 1977 года небольшой кражей государственного имущества было признано административным правонарушением. При расследовании таких преступлений обращали внимание на обстоятельства совершенного деяния и личность гражданина, совершившего его, следовательно, временами содеянное могли признать преступлением.

Федеральным законом от 01.07.1994 года «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» была исключена из законодательства уголовная ответственность за хищения социалистической собственности

В 1993 году вступает в законную силу Конституция Российской Федерации. С этого момента, все виды собственности стали охраняться одними и теми же уголовно-правовыми нормами, что предусматривалось частью 2 статьи 8, в ней была установлена одинаковая защита всех форм собственности.

В результате таких перемен, уголовное законодательство советского государства, в котором были предусмотрены основы уголовной ответственности за тайное хищение имущества, претерпело значительные изменения. Подавляющее большинство исторического периода советского государства уголовный закон предусматривал суровые меры, за совершение хищения государственного имущества. При этом, за совершение хищения имущества физических лиц, были предусмотрены довольно мягкие наказания. В настоящее время, уголовная ответственность за кражу предусматривается статьей 158 Уголовного кодекса Российской Федерации, в которой закреплена простая, квалифицированная и особо квалифицированная составы [45].

Уголовным кодексом Российской Федерации предоставлена защита имущества как охраняемому уголовным законом объекту. Имущество

является одной из важных частей жизни общества, а значит динамика и обеспечение охраны прав собственности ориентировано на охрану ценностей, которые гарантированы Конституцией Российской Федерации каждому гражданину в Российской Федерации.

Согласно статистическим данным, из года в год имущественные преступления являются самыми распространенными и образуют около половины от всех выявленных преступлений.

Не смотря на свою скрытность, имущественные преступления, судя по статистики, являются одними из самых совершаемых преступлений. Совершение таких преступлений причиняет не только материальный ущерб и моральный вред, а вместе с тем, причиняет потерпевшему психологические страдания, в виде отрицательных переживаний. На основании вышесказанного, логично сделать вывод о необходимости совершенствования борьбы с преступлениями против собственности как с теории, так и практики.

На протяжении всей истории развития человечества начиная с древнейших времён и по сей день, имущественные преступления подвергались классификации.

Краже посвящена статья 158 Уголовного кодекса Российской Федерации. Показывающая, что кража, то есть тайное хищение чужого имущества, наказывается штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо исправительными работами на срок до одного года, либо ограничением свободы на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо арестов на срок до четырех месяцев, либо лишением свободы на срок до двух лет.

Значительный ущерб не может составлять менее пяти тысяч рублей, и определяется гражданину с учетом его имущественного положения.

Крупным размером признается стоимость имущества, превышающая двести пятьдесят тысяч рублей, а особо крупным – один миллион рублей [39].

К квалифицирующим признакам кражи действующее уголовное законодательство относит тайное хищение чужого имущества совершенное:

- группой лиц по предварительному сговору;
- с незаконным проникновением в помещение либо иное хранилище;
- с причинением значительного ущерба гражданину;
- из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем.

Данные действия, при квалифицирующих признаках наказываются штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет с ограничением свободы на срок до одного года или без такового, либо лишением свободы на срок до пяти лет с ограничением свободы на срок до одного года или без такового. Так же есть особые квалифицирующие признаки.

В части 3 статьи 158 Уголовного кодекса Российской Федерации названа кража, совершенная:

- с незаконным проникновением в жилище;
- из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода;
- в крупном размере;
- с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств.

А в части 4 статьи 158 Уголовного кодекса Российской Федерации кража, совершенная:

- организованной группой;
- в особо крупном размере.

1.2 История развития уголовной ответственности за кражу в зарубежном законодательстве

Кража, является одним из самых распространенных преступлений во всем мире, поэтому данному виду посягательства уделяется большое внимание. В древности оно являлось не только самым распространенным, но и крайне опасным, так как преступник характеризовался как «коварный, хитрый, глубоко безнравственный, способный на низость».

Так, к примеру, в Турции, а именно Стамбуле, кражи составляют более 10% всех совершаемых преступлений [60, с. 191]. В свою очередь виктимизация рассматриваемого деяния составляет в Бразилии ещё больший процент, чем в государствах Европы и Северной Америки [61, с. 473]. В Австралии же проводилось исследование, в ходе которого выяснилось следующее: в общей сложности против правонарушителей из числа коренного населения было выдвинуто 210 593 обвинения, а против правонарушителей и числа некоренного населения – 424 203 обвинения. Среднее число обвинений в отношении правонарушителей из числа некоренного населения было почти в три раза больше, чем у правонарушителей из числа некоренного населения, что указывает на то, что повторные правонарушения были обычным явлением. Процент доказанных обвинений (т.е. обвинительных приговоров) был одинаковым между мужчинами из числа коренного и некоренного населения (83,5% против 85,6%) и женщинами (87,3% против 88,4%). Обвинения в кражах и связанных с ними преступлениях были наиболее распространенными, составляя 23,9% всех обвинений, предъявленных правонарушителям из числа коренного населения, и 24,9% всех обвинений, предъявленных правонарушителям из числа некоренного населения [63, с. 5].

Древнегерманское право характеризовало кражу как «тайное похищение из чужого владения».

В отличие от Древнеримского права, здесь идет разграничение кражи от грабежа и разбоя. Так же было отдельное понятие воровства – это присвоение вверенной вещи.

Современное уголовное право Германии в статье 242 Уголовного кодекса определяет, что кража – это завладение чужой движимой вещью с намерением незаконно её присвоить [35, с. 524].

«Как видно закон ничего не говорит о тайности кражи, завладение чужой вещью рассматривается, как взятие чьего-либо имущества в полное распоряжение, его захват, а намерение присвоить говорит о том, что лицо делает самовольно обратить вещь в свою пользу» [49, с. 133].

Уголовное право во Франции даёт наиболее широкое понятие кражи. Там нет разделения между грабежом, разбоем, воровством и так далее. Преступление может быть, как тайным, так и открытым, с применением насилия или быть ненасильственным. Всё это объединено в одно понятие кража, поэтому оно и считается самым широким по отношению к другим странам [35, с. 628].

Н.А. Голованова отмечает, что «центральное понятие в Великобритании при рассмотрении экономических преступлений является кража. На протяжении долгого времени разрабатывалось оптимальное понятие кражи, включающее в себя основные элементы. Понятие кражи в Великобритании отличается от понятий стран континентальной системы. В соответствии со статьей 1 Акта о краже 1968 года «лицо признается виновным в краже, если оно бесчестным путем присваивает имущество, принадлежащее иному лицу, с намерением навсегда лишить его этого имущества». Сразу можно выделить основное отличие, упор делается не на тайности хищения чужого имущества, а на намерениях преступника, а именно его корыстная составляющая» [7, с. 1304].

В сущности, в английское понятие кражи (theft) входит, в нашем понимании, обычное хищение, присвоение, злоупотребление доверием, хищение имущества без применения насилия, и данное понятие связывается

не с признаком тайности, а с ненасильственным способом завладения имуществом.

Уголовное право США до проведения реформы 1962 года находилось в весьма подвешенном состоянии.

Не было единого кодифицированного документа, который регулировал уголовные нормы всей страны. Каждый штат имел свой документ, который регулировал ответственность за определенные преступления. но даже здесь были свои неточности, например, штат Иллинойс, имел 71 различную норму об ответственности за хищение.

Главной отличительной чертой было ненасильственное посягательство на чужую собственность.

В основном все кодексы североамериканских штатов содержат единое понятие «хищение». Данное понятие объединяет в себе три вида преступления: кража, присвоение имущества и мошенничество. То есть, определение звучит примерно так «преступным образом похищает, берет, уносит или увозит чужое имущество, либо бесчестно присваивает доверенное ему имущество, либо путем мошеннических махинаций завладевает деньгами или имуществом другого лица» [43, с. 176]. Определение хищения в США не ограничивает движимые или недвижимые вещи.

Юрченко И.А. указывает, что «В современных национальных системах уголовного права имеет место классификация уголовных правонарушений на преступления и проступки, в качестве критерия, который выступает, как правило, вид и (или) срок предусмотренного законом наказания. Причем нетрудно заметить, что в одних случаях уголовный проступок фактически выступает в роли специфической категории преступления, а в других заменяет собой административные правонарушения» [55, с. 60].

Так, одним из оснований, лежащих в основе выделения уголовного проступка в системе уголовного права ряда стран дальнего зарубежья, в частности Франции, Германии, Австрии, Бельгии, Норвегии, Турции, Израиля

и д.р., является отсутствие как таковой категории административных деликтов.

Административное право этих государств образует совокупность норм, которые регламентируют организацию системы государственного управления, структуру публичного аппарата, правовой статус органов власти и контроль над ними. Проступки частных лиц влекут не административную, а уголовную ответственность.

Таким образом, «право проступков» составляет часть уголовного права. Хотя, по мнению некоторых специалистов в области зарубежного уголовного права, деление преступного деяния на преступление и проступок имеет весьма скромное уголовно-правовое значение, тем не менее такая классификация влияет на наказуемость покушения, соучастия, сроки давности и судимости, на назначение дополнительных наказаний и т.п.» [55, с. 58].

Несмотря на то, что законодательства зарубежных стран кодифицированы, большинство норм, касающихся экономических преступлений, находится в отдельных законодательных актах, что говорит о самостоятельных отраслях уголовного права, за рубежом им уделяется особое внимание, а в России напротив, один основной кодифицированный документ, который регулирует как экономические, так и другие отношения.

Многие ученые говорят, что наделение самостоятельности отдельных норм уголовного права, способствует более детальному рассмотрению причин преступления и способу их ликвидации.

Но с другой стороны, можно говорить о том, что большое количество законодательных актов, может только запутать юристов, продлить поиск нужной нормы, а единый кодифицированный документ способствует правильному определению норм и способствует быстрому решению возникших проблем.

На этом примере видно, как отличаются наши законодательные нормы, от норм зарубежных стран. Конечно, всё зависит от менталитета людей в

определённой стране, но всё же видно и общие моменты в определение понятия хищения.

Исследование норм зарубежных стран, позволяет лучше понять структуру экономических преступлений. На примерах исследований российского и зарубежного права, было видно, как со временем стало меняться законодательство. Обращая внимание на важные аспекты в экономических преступлениях, законодатель добился успехов в решение поставленных задач.

Нельзя сказать, что на данный момент законодательство зарубежных стран является совершенным, есть много проблем, например, из-за большого количества законодательных актов, происходит их не согласованность, это способствует образованию коллизий в праве.

Таким образом, нами была рассмотрена история развития отечественного и зарубежного законодательства об уголовной ответственности за кражу.

Историки считают, что кража относится к числу древнейших преступлений, объектом посягательств которых выступает имущество других граждан. Поэтому принципы уголовной ответственности за данный вид преступлений против собственности стали формироваться на деле одновременно с зарождением государственности. Ответственность за кражу в первобытном обществе регулировалась протонормами, которые допускали в указанном случае применение принципа возмездия. С учетом размера причиненного материального ущерба возмездие допускало возможность применения различных видов мести, включая убийство виновного или разграбление общины, в рамках которой он проживал.

В более поздние времена в практике закрепился такой способ восстановления справедливости, как причинение вреда виновному, который эквивалентен ущербу, причиненному его деянием. Указанные принципы впоследствии стали основой древнеримского права, законодательства Византии, а также и древнерусского законодательства. Первые упоминания об

ответственности за кражу содержатся в нормах международных договоров, заключенных между Древнерусским государством и Византией.

Прослеживание законодательных изменений во времени, дает понять полную концепцию нынешнего законодательства, способность осознать, что именно не хватает государству в настоящее время для лучшего функционирования. Нельзя сказать, что современный уголовный кодекс является совершенным, конечно нет. В связи с постоянными изменениями и дополнениями на практике возникают противоречия, некоторые коллизии ещё предстоит исправить. Главной проблемой современного уголовного законодательства, является его нестабильность, на это и стоит обратить внимание.

Краже посвящена статья 158 Уголовного кодекса Российской Федерации. В ней указано, что кража, то есть тайное хищение чужого имущества, наказывается штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательными работами на срок до трехсот шестидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо ограничением свободы на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо арестом на срок до четырех месяцев, либо лишением свободы на срок до двух лет.

Глава 2 Уголовно-правовой анализ кражи

2.1 Объект и объективная сторона кражи

Кража в Уголовном кодексе Российской Федерации определяется как тайное хищение чужого имущества.

Примечание к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации даёт определение хищению – «Под хищением в статьях настоящего Кодекса понимается совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества».

Исходя из этого определения, можно выделить ряд признаков, которые характерны хищению.

Первым признаком является корыстная цель, она как раз и предполагает безвозмездное изъятие чужого имущества. Данная цель, сразу указывает на умышленный характер преступления. здесь необходимо сразу отметить, что корыстной является именно цель, а не мотив.

Мотивы в данном случае могут быть разными:

- статус характер – зависть, стремление показаться смелым, идти на риск ради признания друзей;
- подражательный характер – общность интересов, ложное ощущение дружбы, инстинктивное следование за товарищами;
- альтруистичный характер – желание оказать помощь, показать истинное отношение к человеку, совершая тот или иной поступок.

Отсутствие подобных мотивов, не отменяет корыстную цель, если в результате лицо незаконно обогащается.

Так же корыстная цель при хищении отграничивает от других преступление, например, таких как, злоупотребление должностными полномочиями или уничтожение, или повреждение имущества и т.д.

Второй признак – это противоправность. Он указывает, на то, что преступление осуществляется без действительного или предполагаемого права лица, на обладание данной вещью.

Третьим признаком выступает безвозмездность. Он заключается в том, что лицо полностью или частично не возмещает стоимость изъятого имущества. Такими преступлениями могут быть, как злоупотребление должностными полномочиями, так и самоуправство.

Четвертый признак – изъятие чужого имущества и обращение его в пользу виновного лица. Изъятие всегда сопряжено с обращением чужого имущества. При изъятии чужое имущество выводится из собственности потерпевшего и переходит в фактическое обладание преступника. При обращении, виновное лицо пользуется похищенным имуществом как своим.

Пятым признаком является то, что предметом хищения может являться только чужое имущество. Предметом может быть элемент материального мира, который обладает экономической ценностью. К примеру, деревья в парке или энергия, не могут быть предметом хищения. Так же важно чтобы в отношении предмета хищения субъект не имел никакого права.

Шестой признак – ущерб, причинённый потерпевшему. Ущерб должен быть реальным, а не являться упущенной выгодой.

В науке, на данный момент, эти признаки являются основными, но есть некоторые учёные, которые не разделяют всеобщего мнения. Они дополняют данный список, новыми признаками, которые на их взгляд раскрывают ещё больше понятие хищение.

Основной объект хищений по объёму совпадает с родовым объектом посягательства против собственности и охватывает собой отношения собственности в сфере производства или потребления и в распределительной сфере.

Видовым объектом – общественные отношения, обеспечивающие охрану собственности.

Непосредственным объектом будут социально значимые интересы и отношения в сфере охраны конкретной формы собственности.

Так же можно выделить дополнительный объект, в виде жизни и здоровья человека, он выделяется в связи с тем, что способ совершения преступления связан с физическим или психическим насилием.

Нельзя рассматривать право собственности как объект посягательства, так как виновный никакого отношения к этому праву не имеет, оно к нему не переходит.

В данном случае необходимо уделить внимание составной части объекта хищения, а именно предмету.

Предмет хищения – чужое имущество, которое не находится в собственности виновного.

Предметом хищения может быть движимое или недвижимое имущество.

Не является предметом хищения имущество, которое не имеет экономической ценности, это могут быть документы, они упоминаются в специальных составах преступлений, (например, паспорт в статье 325 УК РФ), рукописные книги или сувениры.

В некоторых случаях, такие предметы могут иметь научную ценность, которые, однако, требуют подтверждения и, не обладая непосредственно объективной экономической ценностью, содержат научно ценную информацию.

Существует такое мнение, что предметом экономического признака следует считать не ценовой фактор, а осуществляемый труд.

Юридический признак хищения состоит в том, что имущество должно быть чужим, то есть не принадлежать лицу на праве собственности. На практике не редко возникал вопрос, как квалифицировать «кражу» бесхозной вещи. В жизни каждого человека были случаи находки брошенных, потерянных и оставленных без присмотра вещей. В данном случае достаточно сложно разграничить понятие «находка» с понятием «хищение» чужого

имущества. В связи с этим, при решении вопроса следует уяснить понятие владения имуществом и различие между потерянной вещью и забытой.

Присвоение потерянной вещи не влечёт за собой уголовной ответственности. В любом случае это не повод просто так присвоить вещь себе, необходимо задуматься о правомерности, необходимо совершить ряд действий, которые закреплены Гражданским кодексом Российской Федерации (ст. 227 ГК РФ).

Как уже говорилось выше, предметом кражи могут быть только вещи, объективно существующие в материальном мире. Из этого следует, что, к примеру, природные ресурсы, в которые не был вложен труд человека, предметом кражи считаться не будет.

Чужим, так же следует признавать такое имущество, которое находится в совместной собственности. Хищение оружия, наркотических средств, образуют самостоятельные составы преступления.

Отличительный признак кражи является её тайность. Существует два критерия тайности:

- объективный – отношение к совершенному изъятию имущества со стороны потерпевшего (это не касается соучастников, родственников или друзей виновного, которые не принимали бы никаких действий, противоречащие планам вора, то есть указанные лица не осознают акт противоправного действия). Это может выражаться в следующем: на месте преступления нет никого кроме преступника, на что он и рассчитывает; противоправное действие совершается незаметно для собственника изымаемой вещи; физические лица осознают акт изъятия вещи, но думают, что изъятие совершенно правомерно (преступник выносит из магазина ящик под видом грузчика); потерпевший не осознает акт изъятия имущества, так как находится под психологическим воздействием. Это может быть гипноз, в основном цыганки часто применяют такой прием. Они втираются в доверие, показывая свои силы, с помощью «магии»

делают ряд махинаций, которые подвергают девушку в шок, используя свои гипнотические способности, убеждают вынести им драгоценности и деньги, для того что бы ритуал закончился и проблемы девушки решились, в основном это срабатывает, тем самым, лицо обогащается чужим имуществом. Только через некоторое время девушка может понять, что её «зомбировали» и обокрали.

- субъективный – отношение самого преступника к возможности осознания другими лицами акта противоправного изъятия. Похититель думает, что факт противоправного изъятия никто не осознает. При краже вор рассчитывает на то, что его никто не заметит, это является отличительным признаком кражи от грабежа и разбоя. При грабеже преступник, готов к сопротивлению и в принципе не рассчитывает на тайное хищение, а при разбое, лицо целенаправленно применяет насильственные действия, связанные с хищением чужого имущества.

В магазинах часто ставят камеры дистанционного наблюдения, лицо у которого есть умысел на хищение, зная о наличии камер, рассчитывает на то, что успеет убежать, до того, как дежурный среагирует на противоправные действия. Это будет похищение тайным, поэтому квалифицируется как кража.

Остро стоял вопрос о моменте окончания кражи. Примечание к статье 159 УК РФ не даёт точного ответа на этот вопрос, наоборот запутывает, так как вместо одного определения, которое разграничило бы хищение и другие преступления имущественной направленности, в примечание даётся целых три: изъятие и обращение чужого имущества в пользу виновного лица; изъятие в пользу виновного лица; обращение в пользу виновного лица. Только Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 29 от 27 декабря 2002 года «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» даёт точную информацию по поводу окончания хищения. Хищение окончено, когда

виновный получает реальную возможность пользоваться изъятым имуществом, а также распоряжаться им.

Это вполне логично, так как лицо, совершившее противоправные действия, получает возможность пользоваться гражданско-правовыми полномочиями собственника, а именно владеть, пользоваться и распоряжаться, и совсем не обязательно совершать сразу все действия, достаточно хотя бы владеть чужим имуществом, чтобы преступление было окончено.

Проанализировав объект и объективную сторону кражи, необходимо отметить, что объективную сторону рассматриваемого преступления образуют общественно опасное деяние, преступное последствие и причинная связь между ними.

2.2 Субъект и субъективная сторона кражи

Вина является одним из главных признаков субъективной стороны. Вина – это внутреннее отношение лица на совершенное деяние, а точнее, как именно лицо воспринимает то или иное действие или бездействие, повлекшее общеопасные последствия.

Субъективная сторона содержит в себе, два обязательных признака: умышленная форма вины в виде прямого умысла и корыстная цель.

Умышленными, являются все хищения, в данном случае вина лица, совершившее противоправное деяние, будет иметь прямой умысел.

В статье 25 УК РФ говорится о том, что умышленными признаются такие преступления, где виновный осознавал противоправность своих действий, знал о последствиях, которые наступят после совершения деяния, никак их не предотвратил, и даже наоборот, желал их.

Вина, мотив, цель раскрывают содержание субъективной стороны преступления.

Как уже говорилось выше, субъективная сторона кражи выражается в форме прямого умысла. Преступник осознает не только противоправность содеянного, но и тайность, совершаемого преступления. На это и рассчитывает преступник, тайно завладеть чужим имуществом. При этом преступник руководствуется корыстным мотивом и имеет цель незаконно обогатиться.

При хищении корыстная цель всегда связана с изъятием чужого имущества и обращением его в пользу отдельных лиц. Наряду с корыстными целями при хищении могут иметь место и другие мотивы (хулиганские, честолюбивые, месть и т.д.). Однако социальную сущность хищения отражают, прежде всего, корыстные устремления виновного, именно они определяют волевой акт и содержание умысла.

Корыстная цель отсутствует, когда на лицо, так называемое, временное изъятие собственности, если лицо осознает, что вскоре он вернёт взятое им имущество. Это можно расценивать как самоуправство.

Субъектом преступления является физическое вменяемое лицо, виновно совершившее общественно опасное деяние и способное нести за него уголовную ответственность в соответствии с законом.

Первым общим условием уголовной ответственности, является вменяемость – это психическое состояние лица, заключающееся в его способности по состоянию психического здоровья, по уровню социально-психического развития, а также по возрасту, осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими во время совершения преступления, и нести в связи с этим уголовную ответственность.

Как вменяемые должны рассматриваться такие лица, страдающие психическими расстройствами, не исключающие уголовной ответственности, но оказывающие влияние на поведение человека. Данное обстоятельство должно учитывать судом при назначении наказания и может служить основанием для назначения принудительных мер медицинского характера.

Субъектом, кражи по статье 20 части 2 УК РФ может быть вменяемое физическое лицо, достигшее 14ти летнего возраста на момент совершения преступления.

Возраст для кражи снижен, это связано с тем, что лицо, которое совершает хищение чужой вещи, должен понимать тяжесть своего деяния, а также в возрасте 14ти лет, лицо способно осознавать социальную значимость причинённого вреда.

27 сентября 2017 года несовершеннолетний Иванов И.И., учащийся 9 класса, совершил тайное хищение чужого имущества с незаконным проникновением в жилище. Примерно в 12.00 часов он пошел в библиотеку, которая в здании администрации села Куркент и увидел, что библиотекаря нет на рабочем месте. Так же он встретил тетю Петрову П.П., которая приходится супругой его покойного дяди Петрова С.С. Он подумал, что в доме тёти никого нет и, он сможет зайти и украсть деньги, чтобы поиграть в игровую приставку (плейстейшен). Выйдя из библиотеки, он направился в сторону дома тёти. Он перелез через металлическую сетку (забор) и попал в огород дома Петровой, прошёл во двор и через не запертые на замок, деревянные двустворчатые двери первого этажа, зашел в дом. При входе, в коридоре, на спинке стула висела сумка черного цвета, в которой был кошелёк. Внутри кошелька было три купюры по одной тысячи рублей. Он украл эти деньги в сумме 3000 рублей и ушёл тем же путём, как зашёл в дом. На эти деньги он играл на игровой приставке – плейстейшен в игровом зале, а также покупал разные сладости в магазинах. Он никому не рассказал, что совершил кражу денег из дома тёти. В данном случае Иванов понимал противоправность своих действий, но это его не остановило [34].

Несовершеннолетний Сидоров В.В., ранее неоднократно совершавший кражи чужого имущества, на путь исправления не встал и вновь совершил тяжкие преступления – хищения чужого имущества с незаконным проникновением в жилище, при следующих обстоятельствах. Сидоров после вынесения в отношении него приговора Магарамкентского районного суда об

осуждении по 5 эпизодам обвинения по пунктам «а», «б», «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ к условному лишению свободы с испытательным сроком на 1 год, 07 сентября примерно с 22 до 23 часов, с целью реализации преступного корыстного умысла, направленного на хищение чужого имущества, незаконно проник через окно первого этажа в жилище гражданина Соколова Т.Т., в котором никто не проживал и совершил хищение чужого имущества – телевизора «Samsung», газонокосилки «Mahsum», электропилы и шуруповёрта. В последующем указанные похищенные вещи продал другим гражданам за 19 500 рублей, а деньги потратил на собственные нужды. Этими умышленными действиями, несовершеннолетний совершил преступление, предусмотренное п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ – кражу, т.е. хищение чужого имущества, с незаконным проникновением в жилище [33].

Таким образом, рассмотрев субъективную сторону и субъект преступления кражи, можно сделать вывод, что она может совершаться только с прямой формой умысла и законодатель считает, что среднестатистический человек отдаёт отчет в общественной опасности данного преступления с 14 лет.

2.3 Квалифицированные виды кражи

Первый квалифицирующий признак является, группа лиц по предварительному сговору. Под стражей, совершенной по предварительному сговору группой лиц, следует понимать, противоправные действия, направленные на хищение чужого имущества двух или более лиц, заранее договорившихся об этом.

Совместное групповое хищение предполагает наличие признаков объективной стороны состава кражи. Состав группы лиц по предварительному сговору, может состоять только из соисполнителей. Сложное соучастие, которое предполагает разделение ролей (организатор, пособник и т.д.) не будет квалифицироваться как преступление, совершенное группой лиц по

предварительному сговору. В данном случае, каждое лицо будет нести ответственность в зависимости, какую роль он принял. Если же при совершении кражи один из участников, угрожал или применил насильственные действия, опасные для жизни и здоровья потерпевшего, то данные действия будут квалифицироваться как грабеж или разбой, в зависимости от действий преступника. Данная квалификация не будет распространяться на других лиц, если они не планировали нападение и в нём не участвовали.

Предварительным считается сговор, совершившийся перед изъятием чужого имущества, во время подготовки к нему или непосредственно перед покушением. Если лицо присоединилось уже к начатому группой изъятию, то оно уже не будет подходить под квалификацию, группы по предварительному сговору, это будет простая кража. Ответственности лица несут в полной стоимости похищенного независимо от доли каждого.

Следующий квалифицирующий признак – незаконное проникновение в помещение либо иное хранилище.

В примечание к статье 158 даётся определение помещения «Под помещением следует понимать строения, сооружения независимо от форм собственности, предназначено для временного нахождения людей и размещения материальных ценностей в производственных или служебных целях». Оно может являться как постоянным, так и временным, а также стационарным или передвижным. Это может быть всё что угодно, к примеру, музей, магазин, школа, завод, почтовое отделение и т.д.

Данным понятием охватываются церковь и другие помещения, предназначенные для отправления религиозных культов.

Так же в примечание есть определение хранилища «Под хранилищем понимаются хозяйственные помещения, обособленные от жилых построек, участки территории, трубопроводы, иные сооружения независимо от форм собственности, которые предназначены для постоянного или временного хранения материальных ценностей».

Если лицо, которое совершает противоправное действие в виде кражи, проникло в хранилище путём взлома замка, двери, решётки и т.п. дополнительной квалификации по статье 167 УК РФ не требует, поскольку умышленное уничтожение указанного имущества потерпевшего в этих случаях, явилось способом совершения хищения при отягчающих обстоятельствах.

Особым видом является хищение, причинившее значительный ущерб гражданину. В данном случае потерпевшим является только физическое лицо, стоимость похищенного должна превышать 5000 рублей (для ч. 5 ст. 159 – 10000 рублей), а значительность ущерба определяется с учетом имущественного положения потерпевшего.

О значительном ущербе гражданину может идти речь при посягательствах на частную собственность. В этом и состоит особенность данного признака.

Определяя размер похищенного имущества, следует учитывать его фактическую стоимость на момент совершения преступления. Если стоимость не известна, то ущерб определяется экспертами.

Необходимо иметь в виду, что минимальный предел крупного размера является одновременно верхней границей незначительного (не крупного) хищения, а в рамках незначительного размера находятся границы.

Пункт «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ устанавливает ответственность за совершение кражи из одежды, сумки или другой ручной клади, находящейся при потерпевшем.

Кража из сумки, ручной клади и т.п. требует своего рода профессионализма со стороны похитителя, и это необходимо учитывать, при назначении наказания.

В ч. 3 ст. 158 УК РФ располагаются особо квалифицированные признаки, один из них является незаконное проникновение в жилище.

Конституция РФ (ст. 25) гласит, что жилище гражданина неприкосновенно, поэтому незаконное проникновение в жилище значительно

отличается от проникновения в помещение или хранилище. Только федеральный закон может установить случай, при котором в жилище гражданина можно проникнуть без его согласия. Кража, связанная с незаконным проникновением в жилище, одновременно нарушает конституционное право человека на частную собственность и на неприкосновенность жилища.

Данный вид кражи был выделен законодателем как особо опасный. Это связано с тем, что количество квартирных краж за последнее время значительно увеличилось.

Как уже говорилось ранее, повреждение замков, дверей при совершении кражи не будет квалифицироваться по ст. 167 УК РФ, а вот если при совершении противоправного деяния, было повреждено имущество, которое не являлось объектом хищения, в данном случае дополнительная квалификация по ст. 167 УК РФ требуется.

Законодатель в п. «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ отмечает, что хищение в крупном размере (квалифицированный вид) совершается на сумму, превышающую 250000 рублей.

Совершенно недавно были внесены изменения в УК РФ, а именно был введен новый квалифицирующий вид в ч. 3 ст. 158 УК РФ «хищение с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств».

Следующий квалифицирующий признак кражи – организованная группа.

В отличие от группы лиц с предварительным сговором организованные формы соучастия (ч. 3 ст. 35 УК РФ) характеризуется более высокой степенью общественной опасности, устойчивостью, наличием в их составе организаторов, заранее разработанного плана совместной преступной деятельности, распределения функций между его участниками, а также обеспечением сокрытия преступлений. Об устойчивости группы могут свидетельствовать такие признаки, как продолжительность её существования, постоянство состава, наличие иерархического и функционального

распределения ролей между её участниками. Проявлением устойчивости считается множественность совершенных преступлений, их техническая оснащённость, специальная подготовка участников организованной группы по обучению приемов и навыков совершения определенных преступлений. Устойчивость организованной группы определяет отнесение совершенных ею хищений к тяжким, а некоторых его форм – к особо тяжким преступлениям.

Последний квалифицирующий признак – это совершение кражи в особо крупном размере.

По ч. 4 указанной статьи законодатель предусматривает совершение преступления в особо крупном размере. Особо крупным является стоимость похищенного имущества, превышающая 1000000 рублей. Данное преступление может совершаться как одновременно, так и единым продолжаемым преступлением.

Законодатель намеренно переходит от общего понятия хищения к более конкретным, наиболее распространенным и общественно опасным.

Можно заметить, как законодательные органы, проявляют внимание к набирающим обороты хищениям, как например, из нефтепровода, нефтепродуктопровода и газопровода, это свидетельствует о том, что законодатель пытается решить проблему, появившуюся в настоящее время.

Глава 3 Проблемы уголовной ответственности за кражу и отграничение её от смежных составов преступлений

3.1 Проблемы разграничение кражи, присвоения, находки

На практике возникает довольно много проблем квалификации кражи, которые требуют своего разрешения. Одной из таких проблем является разграничение находки, присвоения и кражи. Такая проблема связана с реализацией титульного права собственник. Если собственник не передал своё имущество кому-то, утратил фактическое господство вещью, то насколько правильно будет привлекать к уголовной ответственности другого лица, который стал пользоваться таким имуществом как своим.

В своём исследовании Н.А. Рябинин, К.Ю. Филипсон привели результаты опроса сотрудников ОВД, согласно которым очень сложно доказать на практике корыстный умысел лиц, которые пользовались «потерянными» вещами как своими собственными. Такие лица, используя чужие телефоны, фотоаппараты, другие вещи утверждали, что такие вещи «нашли», но не похитили. Вещи были найдены в общественных местах: кафе, скамейки в парках или подъездов домов, магазинах, больницах и др. в законодательстве нет ответственности для лиц, которые нашли определенную вещь и не сообщили об этом в специально уполномоченные органы или не предприняли попытки для розыска собственника вещи. Именно поэтому очень важно рассмотреть вопрос разграничения находки и кражи [38, с. 123].

Кража в соответствии с ч. 1 ст. 158 УК РФ представляет собой тайное хищение чужого имущества. Для кражи основным признаком является тайность совершенного деяния для посторонних лиц.

Сущность этого признака раскрывается в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» - тайным хищением, т.е. кражей следует признавать «действия лица, совершившего незаконное изъятие имущества в отсутствие собственника или

иного владельца этого имущества, или посторонних лиц либо хотя и их присутствии, но незаметно для них». Иными словами, вор старается незаметно для собственника или владельца вещи, а также третьих лиц совершить изъятие вещи в своё пользование [28].

Как подчеркивает В.В. Хилюта, кража обладает следующими чертами:

- преступник не имеет юридических прав в отношении похищенного имущества. В случае кражи у него не появляется право собственности, поскольку имущество выбывает против воли юридического собственника или владельца;
- хищение совершается ненасильственным путем;
- кража совершается в тайне от всех [52, с. 26].

В законодательстве отсутствует понятие находки, что несколько усложняет и без того сложное разграничение её с кражей. Гражданское законодательство оперирует понятием «находка», но не раскрывает её сущность. В целом можно говорить о классическом понимании находки как добросовестное обнаружение потерянной вещи, выбывшей из владения собственника в связи с халатностью, неосмотрительностью, небрежностью самого владельца. Обнаружение такой вещи является непреднамеренным, т.е. лицо не предпринимало действий, направленных на завладение такой вещи, не скрывало вещь от собственника (законного владельца).

Рассматривая находку, необходимо обратиться к нормам гражданского законодательства, которое раскрывает правовое положение бесхозных вещей.

В ст. 225 ГК РФ раскрывается сущность такого определения. Законодатель выделил следующие особенные черты бесхозной вещи – отсутствие собственника или собственник вещи является неизвестным, или собственник утратил право владения вещью (потерял вещь). Факт отсутствия знаний о владельце вещи является, как представляется, основным в данном случае. Поскольку знание о том, кому принадлежит данная вещь, будет исключать распространение режима «бесхозной вещи» на найденную вещь,

то и говорить о возможности обратить в свою собственность такую вещь уже нельзя.

Можно смело говорить о том, что положения о находке нельзя применять, если нашедший вещь знает, кому она принадлежит. Таким образом, в случае оставления вещи лицом в номере гостиницы или в палате больницы не может расцениваться как находка, поскольку сведения о нём имеются. В данном случае присвоение оставленной вещи необходимо квалифицировать как кражу, а не как находку. Вернуть забытую вещь является обязанностью больницы, гостиницы или лица, которое нашло её.

Находка обладает ещё одним признаком – случайности. Это выражается в том, что лицо находит определённую вещь случайно, не стремясь её заполучить. Утрата собственником своей вещи происходит по его невнимательности: обронил телефон или ключи, потерял ювелирное изделие, выпала вещь из пакета или сумки и др.

Например, хозяин телефона кладет его в карман, из которого он выпадает. Другой человек видит это и не сообщает о потере хозяину вещи, а ждёт, когда тот уйдет, чтобы обратить телефон в свою собственность. В данном случае можно говорить о краже, поскольку виновный не стал предпринимать меры, чтобы хозяин вещи обнаружил пропажу, не окликнул потерявшего, а решил воспользоваться ситуацией в свою пользу.

Таким образом, можно говорить о том, что о находке нельзя говорить, если собственник вещи известен или его можно установить, имеется возможность доставки потерянной вещи.

Гражданское законодательство позволяет выявить признаки находки:

- действия собственника (владельца) вещи приводят к тому, что вещь теряется, оставляется в определенных вещах. Иными словами, выбытие вещи из фактического владения – это результат действий самого собственника вещи. Нашедший впоследствии вещь не имеет отношения к такому выбытию;

- нашедший осознает, что найденная им вещь выбыла из владения собственника, т.е. является потерянной;
- нашедший предпринимает действия по обнаружению собственника такой вещи.

Как представляется, именно последний признак в большей степени будет свидетельствовать о находке, а не краже.

Если говорить о найденном имуществе, то можно отметить невыполнение социальной обязанности лицом, которое нашло вещь, вернуть её законному собственнику или владельцу. Фактически, лицо, которое обнаружило находку и взяло её себе, незаконно обогатилось. Лицо приносит зачастую находку домой, может быть предпринимает меры по сокрытию её от других лиц. Происходит удержание вещи у себя.

Вышеизложенное позволяет выделить два момента, которые будут иметь существенное значение при квалификации деяния: оставление или утрата. В первом случае необходимо говорить о наличии сведений о законном владельце вещи, т.е. в данной ситуации можно говорить об оставлении вещи в палате, номере, магазине, скамейке и др. Во втором случае, нет сведений никаких о собственнике утерянной вещи. Это касается ситуации, когда вещь была найдена, например, в траве в парке, на пляже в песке.

При обнаружении вещи необходимо оценивать место, где была найдена вещь, чтобы исключить факт того, что собственник не потерял вещь, а только оставил её и вернётся за ней. Собственник временно оставил без присмотра свою вещь, но он знает, где она находится, в отличие от ситуации, когда он потерял её. В этом случае он имеет право в разумный срок обратиться к администрации такого учреждения с требованием об её возврате. Не может расцениваться как потеря имущество, которое имеет идентификационные признаки принадлежности вещи. В данном случае можно говорить о наличии надписей на вещи, где указан собственник вещи, контактный номер телефона (например, на ошейниках собак, кошек). Идентификационными признаками

будет обладать автомобилем. Невозможно говорить о находке автомобиля, поскольку владельца такого автомобиля можно найти по данным базы ГИБДД.

В случае нахождения вещи в пределах огороженной территории (тем более, находящейся под охраной) уже предполагает, что найденная вещь будет принадлежать лицам, имеющим право доступа на такую территорию. Например, на кресле возле регистратуры в больнице обнаруженная сумка не может рассматриваться как находка. Безусловно, в такой ситуации хозяин сумки вернется за ней. В случае обращения в своё пользование такой сумки будет иметь место кража. Аналогично, нельзя говорить о находке, если вещь находилась в жилом доме или служебном помещении.

Анализ практики свидетельствует, что имущество, которое оставлено было на время, не может расцениваться как потеря.

Так, например, Московский городской суд рассмотрел уголовное дело в отношении Б., который в магазине совершил кражу кошелька, оставленный продавцом в торговом зале. В кошельке находились денежные средства, банковская карта, паспорт, пенсионное удостоверение. Суд вынес обвинительный приговор, квалифицировав деяние как кражу.

Особый интерес вызывает уточнение суда, что следует понимать под находкой. «Присвоение имущества происходит в административных зданиях или других публичных местах с ограниченным пространством, то в этих случаях следует констатировать «забытость» вещи её собственником: в подобных случаях лицо, присваивающее вещь, имеет основание полагать, что внешние условия, обстановка, положение и состояние вещи свидетельствует о том, что она не потеряна владельцем, а временно оставлена или забыта им. Если забытая вещь находится в месте, известном собственнику или владельцу, и он имеет возможность за ней вернуться или иным способом её получить, лицо, присвоившее эту вещь, совершает кражу» [27].

При разграничении кражи и находки необходимо учитывать и субъективную составляющую, т.е. как относилось лицо к характеру совершаемых им действий. Лицо может осознавать, исходя из обстановки, что

вещь является забытой, а не временно оставленной. Говорить однозначно, что лицо, завладевшее вещью, оставленной без присмотра, совершил кражу нельзя. Лицо, нашедшее вещь может через интернет или СМИ распространить информацию о том, что найдена определенная вещь. Совершение такого действия позволяет говорить об отсутствии умысла на похищение вещи. Если в разумный срок собственник вещи не был обнаружен, то находка фактически переходит во владение и пользование нашедшего. Состав кражи в таких случаях не будет.

При рассмотрении кражи и находки необходимо учитывать момент возникновения умысла. При краже виновный действует с прямой целью – похитить имущество. Он желает заполучить определенное имущество, в связи с чем совершает действия, цель которых заключается в получении вещи. При находке у лица отсутствуют цели, связанные с получением вещи в своё пользование [5, с. 25-29].

В своей статье Е.В. Хромов отмечает два основных момента, которые позволяют правильно оценить субъективную составляющую кражи и находки. В первую очередь, Е.В. Хромов говорит о том, что неизбежность восстановления собственником господства над вещью влечет к тому, что нашедший осознает, что причиняет материальный ущерб. Более того, он даже стремится к причинению такого ущерба, не предпринимая действий по его недопущению. Лицо, осознавая, что собственник имеет реальную возможность восстановить господство над своей вещью, принимает различные меры, чтобы вещь не нашел собственник, т.е. происходит её сокрытие, в том числе и передаче её третьим лицам, включая продажу [53, с. 87].

Позицию Е.В. Хромова можно уверенно разделять.

Рассматривая кражу и находку, необходимо привести мнение некоторых исследователей, которые говорят о том, что кража при завладении найденным имуществом будет отсутствовать [10, с. 48] [14, с. 42-43].

В качестве обоснования своей позиции они приводят тот факт, что завладение чужой вещью происходит не путем совершения активных действий, направленных на изъятие из законного владения.

Например, С.В. Складов обозначает, что нельзя говорить о краже, если имущество выбыло из владения собственника раньше, чем она перешла к другому лицу [41, с. 69].

В свою очередь, К.Н. Карпов обозначает, что признак хищения не может быть в ситуации, когда собственник забыл или потерял вещь, поскольку будет отсутствовать правомочие собственника «владение» [9, с. 46]. При потере или оставлении вещи собственник не теряет право собственности, у него ограничивается только господства над вещью [56, с. 45].

Однако с такими точками зрения сложно согласиться, поскольку фактически переход вещи от собственника к другому лицу происходит вне зависимости от желания собственника. Лицо, обнаружив найденную вещь, осознает, что она не принадлежит ему, но, тем не менее, обращает её в свою пользу, совершая иногда действия, направленные на её сокрытие. В таких случаях необходимо говорить скорее не об изъятии, а о завладении, что не исключает состава кражи. При краже, в конечном счёте, осуществляется завладение вещью. Сущность хищения в целом предполагает, что имуществом виновный завладеет, это цель такого рода преступлений.

В качестве примера следует привести ситуацию, рассмотренную в рамках уголовного дела Московским городским судом.

Как было установлено судом, потерпевшая К. приобрела на своё имя в ПАО «Сбербанк» номерной сертификат стоимостью 122477,16 рублей. Через некоторое время после его покупки К. решила его обналичить, в связи с чем положила его вместе со своим паспортом и другими документами в папку, а последнюю убрала в сумку. На улице К. обнаружила, что из сумки исчезла папка с документами. К. обратилась в банк и полицию.

В банке пояснили, что уже данный сертификат был обналичен. В ходе розыскных мероприятий был найден Д., который пояснил, что папку нашёл, а

не похищал. Суд не стал принимать во внимание доводы того, что виновный нашёл сертификат, поскольку сертификат был именной, можно было определить, кто является его собственником. Более того, в папке, где находился сертификат, лежали другие документы, в том числе паспорт, что исключает вероятность невозможности найти законного собственника сертификата.

Суд также указал, что действия виновного, направленные на обналичивание сертификата по паспорту на имя другого человека не может расцениваться иначе, как хищение. Виновный осознавал, что сертификат ему не принадлежит, а факт находки сертификата не говорит о возможности провести обналичивание [3].

Некоторые исследователи говорят о рассмотрении отношений по поводу находки имущества не в рамках уголовного права, а гражданского, применяя нормы ст. ст. 227, 1102, 1064, 1085 ГК РФ [6, с. 12].

Однако с таким мнением нельзя согласиться.

В первую очередь, необходимо указать, что ст. 227 ГК РФ распространяется только на правоотношения, которые складываются вокруг находки, т.е. вещи, которая была утеряна, но не оставлена без присмотра или забыла.

Во вторую очередь, положения ст. 1064 и 1085 ГК РФ направлены при возмещении вреда, причиненного здоровью. В рассматриваемом случае такие нормы не могут применяться, поскольку причинение вреда здоровью в данном случае будет отсутствовать.

Исходя из этого, очень сложно говорить о возможности регулирования находки только нормами гражданского законодательства, в частности ст. 22 ГК РФ и нормами о гражданской ответственности. Если поддерживать позицию таких исследователей, то будет отсутствовать состав кражи, если на пляже лицо временно отлучилось, а за это время все вещи, оставленные на берегу, исчезнут, т.е. будут похищены.

Таким образом, используя мнение В.В. Хилюты [51, с. 132-143] и Е.В. Хромова [53, с. 94], в качестве критериев, которые позволяют разграничить кражу и находку, можно обозначить:

- место утраты и обнаружения имущества;
- наличие идентифицирующих признаков, позволяющих без особого труда установить собственника;
- знание или незнание нашедшим владельца утраченного имущества;
- свойство имущества (оставлено, забыто, утрачено) относительно его принадлежности собственнику;
- неизбежность восстановления собственником господства над имуществом;
- реальной возможности восстановления собственником господства над неутраченным имуществом разумным способом и стремление к причинению прямого имущественного ущерба путем принятия мер к недопущению его обнаружения владельцем.

Проблема разграничения кражи и находки явилась предметом рассмотрения Конституционным судом РФ.

На практике, как уже отмечалось, довольно сложно провести разграничение. Безусловно, люди, осужденные за совершение кражи «потерянных» вещей не согласны с обвинительными приговорами и обжалуют их в вышестоящих инстанциях. В адрес Конституционного Суда также поступают обращения на предмет определенности положений ст. 158 УК РФ, ст. 227 ГК РФ.

В частности, Конституционный Суд РФ рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности ст. 227 ГК РФ, части 1 и пункта 1 примечаний к ст. 158 УК РФ, ст. 75, 87, 88 УПК РФ. Поводом для рассмотрения явились два обращения А.В. Галимьяновой и В.С. Пузрякова, которые были осуждены за совершение кражи, но сами виновные расценили действия как находку, а не кражу.

Так, А.В. Галимьянова совершила кражу мобильного телефона в салоне автобуса. Виновная увидела. Что у другой пассажирки из сумки выпал телефон на пол салона. Она не стала предпринимать действий по возврату телефона законной владелице, не отдала его кондуктору или водителю и не стала сообщать в правоохранительные органы. Она, воспользовалась ситуацией, подняла мобильный телефон с пола и завладела им. При этом она не стала отвечать на звонки, поступающие на данный телефон, а впоследствии выбросила сим-карту, вставленную в мобильный телефон, осуществила сброс всех настроек телефона до заводских и стала пользоваться телефоном как своим собственным. Суд первой инстанции при рассмотрении дела пришёл к выводу о совершении Галимьяновой кражи. Сторона защиты указывала в процессе на отсутствие в законодательстве правил возврата найденной вещи законному хозяину. Верховный Суд Республики Башкортостан отметил, что при решении вопроса об отграничении кражи от присвоения находки следует исходить из понятия владения имуществом, а также из различия между потерянной вещью и забытой. В частности, «потерянной является вещь, находящаяся в неизвестном собственнику или иному законному владельцу месте, а забытой – находящаяся в месте, известном такому лицу, которое имеет возможность за ней вернуться или иным способом получить её обратно. На этом основании сделан вывод, что присвоение найденной вещи лицом, сознающим право на неё владельца, связано с признаком нечестности и потому является кражей» [2].

Аналогичная ситуация имела место в уголовном деле В.С. Пузрякова, который был признан виновным в совершении кражи. Суд установил, что В.С. Пузряков являлся водителем такси. В салоне своего автомобиля он обнаружил мобильный телефон, который мог принадлежать только пассажиру, который воспользовался услугами такси. Однако виновный не стал предпринимать никаких действий, направленных на поиск законного владельца, а стал пользоваться аппаратом, вставляя в него сим-карту зарегистрированную на свое имя.

Фактически приведенные уголовные дела являются схожими: виновные находят вещь, оставленную пассажирами в транспорте. Фактически такие лица могут быть найдены. Более того, мобильные телефоны являются такими вещами, которые могут с четкостью установить законного владельца телефона, достаточно отвечать на входящие звонки. В обоих случаях виновные не стали предпринимать действий по розыску законного владельца, напротив, не стали отвечать на входящие звонки, вытащив из телефона сим-карту, принадлежащую законному владельцу.

Конституционный Суд РФ указал, что «активное поведение лица, нашедшего вещь (заявление о находке, поиске её собственника, передача найденного владельцу помещения или транспорта либо его представителю и т.п.), исключает уголовную ответственность за её хищение и служит законодательно конкретизированным критерием для разграничения правомерного и противоправного деяния. Тем не менее, не совершение таких активных действий, направленных на возвращение имущества владельцу, хотя и является по общему правилу неправомерным, но не предполагает вывод о наличии признаков преступления» [25].

Конституционный Суд РФ подчеркивает, что «противоправным может быть признано такое поведение лица, когда оно непосредственно наблюдает потерю вещи, имеет реальную возможность незамедлительно сообщить законному владельцу о потере и вернуть ему вещь, но тайно завладевает ею». Такая ситуация имела место в уголовном деле Галимьяновой. Более того, Конституционный Суд РФ четко говорит о том, что «описанное поведение, направленное на окончательное лишение законного владельца утерянного имущества и распоряжение чужим имуществом как своим собственным, по своей природе является кражей». Как результат, Суд не усмотрел никаких оснований для признания положений, оспариваемых заявителей, неконституционными.

Соответственно, положения, приведенные в Постановлении Конституционного Суда РФ от 12 января 2023 года № 2-П, существенно закрепили основания для разграничения находки и кражи.

В целом Суд подтвердил, что тот путь, по которому шла правоприменительная практика является обоснованной и верной. «Объективную сторону хищения в виде кражи найденного имущества, заведомо принадлежащего другому лицу и не имеющего признаков брошенного, образует единое сложное деяние, состоящее из завладения (установления фактического владения) обнаруженной чужой вещью, сопряженного с её сокрытием или сокрытием источника её получения, её принадлежности другому лицу или её идентифицирующих признаков, для тайного обращения её в свою пользу или в пользу иных, неуправомоченных лиц, чем причиняется ущерб собственнику или иному законному владельцу этого имущества, а равно тайное завладение с теми же целями чужой вещью, когда лицо, завладевшее ею, наблюдало её потерю собственником или иным законным владельцем и имело реальную возможность незамедлительно проинформировать последнего о потере и вернуть ему вещь».

Тем не менее, Конституционный Суд РФ указал, что неисполнение лицом, нашедшим чужую вещь, обязанностей, перечисленных в ст. 227 ГК РФ, не может служить однозначным основанием для привлечения лица к уголовной или административной ответственности за совершение кражи. В этом является существенное значение Постановления Конституционного Суда РФ от 12.01.2023 № 2-П [25]. Более того, дела заявителей и других лиц по аналогичным делам будут пересмотрены в соответствии с приведенным положением.

Представляется, что в случае А.В. Галимьяновой и В.С. Пузрякова суды не примут иного решения, чем вынесенное ранее, поскольку виновные имели возможность проинформировать законного владельца об его потере, но не сделали этого, руководствуясь корыстью.

Таким образом, проблема разграничения кражи и находки в настоящее время является достаточно актуальной. При разграничении кражи и находки необходимо различать статус вещи потерянной, утраченной безвозвратно и украденной, а также поведение лица, нашедшего вещь.

Большим подспорьем в квалификации действий нашедшего вещь будут служить положения Постановления Конституционного Суда от 12.01.2023 № 2-П в котором обозначены три важных момента:

- для признания кражи и находки необходимо учитывать активное поведение лица, нашедшего вещь, в частности, совершение действий по розыску законного владельца;
- обстоятельства находки. Наблюдение за оставлением вещи законным владельцем и отказ информировать его о потере расценивается как кража, если потерянная вещь переходит в пользование виновным;
- неисполнение лицом, нашедшим чужую вещь, обязанностей, перечисленных в ст. 227 ГК РФ, не может однозначно говорить о совершенной краже.

Дальнейшая практика разграничения кражи и находки с учетом Постановления Конституционного Суда РФ от 12.01.2023 № 2-П позволит более четко квалифицировать действия лиц, связанные с находкой вещи.

3.2 Разграничение кражи с использованием платежных карт и мошенничества

На практике ещё одна проблема квалификации кражи, связанная с разграничением кражи с банковского счёта (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ) и мошенничества с использованием электронных средств платежа (ст. 159 УК РФ).

С появлением компьютера экономика стала всё в большей степени переходить в формат «безналичной». В настоящее время возможности

позволяют гражданам осуществлять покупки дистанционно, оплачивать в торговых организациях покупки посредством удаленного доступа к своим денежным средствам, находящимся на банковском счёте. Появившиеся смартфоны стали позволять производить оплату посредством технологий удаленного доступа, что не требует иметь в наличии денежные средства.

Кража с банковского счёта появилась в рамках УК РФ как самостоятельный состав преступлений в 2018 году [46]. Такие изменения уголовного закона были обусловлены большим количеством хищений с банковских счетов в связи с выросшей цифровизацией общества. Посредством компьютерных технологий всё чаще стали совершать хищения денежных средств, находящихся на банковских счетах граждан, а также хищений, совершенных посредством банковских карт.

Специалисты в настоящее время отмечают рост совершенных хищений не только с развитием цифровизации, но и ограничительными мерами, которые имели место в связи с распространением коронавируса. В частности, МВД России сообщило, что за период 2020 года было зарегистрировано 2044,2 тысячи преступлений, из которых более 169,5 тысячи составили кражи, совершенные с банковских счетов, а 25,8 – мошенничество, совершенные с использованием электронных средств платежа [15].

В 2021 году зарегистрировано 517 722 преступлений, связанных с хищением с использованием информационных технологий, что всего на 1,44% больше, чем в 2020 году (510 396 преступлений), но почти вдвое превышает цифру 2019 года – 294 249 уголовных дел, связанных с мошенничеством и 156 792 уголовного дела кражи [17].

Проблема хищений посредством современных информационных технологий характерна не только для России. Зарубежный законодатель также пытается решить такую проблему путем установления уголовной ответственности.

При этом на практике зарубежный законодатель сталкивается с такими же сложностями, как и российский законодатель. В частности, уголовный

закон Австралии предусматривает совершение кражи и мошенничества. Во втором случае преступление характеризуется наличие обмана. Австралийский закон также предусматривает специальный состав хищения – обман с кредитными картами. Правоприменитель также сталкивается со сложностями разграничения кражи и мошенничества, если хищение имело место в сфере кредитных карт, посредством информационных технологий. Проблемам разграничения кражи и мошенничества в законодательстве Австралии посвящено довольно много работ [59, с. 746-748].

Мошенничество австралийскими учеными рассматривается как электронный обман, который может выражаться в следующих формах:

- совершение преступления с использованием фиктивных документов (например, скримминг);
- совершение операций онлайн с прямым дебетированием;
- преступления, совершенные путем обмана в отношении переводов электронных денег (например, путем ввода похищенного идентификационного пароля);
- хищения, совершенные посредством онлайн-маскировки (например, двойников веб-сайтов) [62].

Законодатель Австралии, осознавая вероятную ошибку в совершении квалификации преступного деяния, предусмотрел возможность переквалификации совершенных действий с кражи на мошенничество, и наоборот. Правом на переквалификацию деяний обладает суд.

Подход законодателя Австралии в определении степени схож с позицией российского законодателя, поскольку российский законодатель также предусматривает возможность квалификации хищений в форме кражи или мошенничества, грань между которыми очень тонка.

Проведенный анализ практики российских судов свидетельствует о том, что самым встречающимся вариантом совершения преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ являются следующие случаи:

- виновный, незаконно получив доступ к мобильному телефону или его сим-карте, получает сообщения в рамках интернет-банкинга, что позволяет ему переводить денежные средства, находящиеся на банковском счёте потерпевшего на свои счета или на счёт третьих лиц.

Так, например, Комсомольский районный суд города Тольятти рассматривал уголовное дело в отношении Саврасова, который обвинялся в совершении хищения денежных средств. Суд установил, что Саврасов, увидев на скамейке у многоподъездного дома телефон, обратил его в своё пользование. Данное действие расценивалось как кража. Под чехлом сотового телефона находилась банковская карта ПАО «Сбербанк». Виновный обнаружил, что телефон не имеет пароля к доступу, что позволило ему воспользоваться им и получить допуск в приложение «Сбербанк Онлайн». Через приложение он осуществил перевод денежных средств со счёта потерпевшего на свой счёт, а в последствии распорядился такими денежными средствами по своему усмотрению. Кроме того, он осуществил один перевод на счёт третьего лица. Такие действия виновного были квалифицированы как кража с банковского счёта [31]:

- виновный, заполучив банковскую карту и зная от неё пин-код, снимает наличные денежные средства в банкоматах. Виновный может банковскую карту похитить, найти или получить от самого владельца. В последнем случае потерпевший предоставляет свою кару виновному для совершения определенных действий, например, позволяет с ней сходить до магазина и приобрести конкретные товары. Потерпевший при этом озвучивает то, на что разрешает расходовать денежные средства. Так, например, Суворова была осуждена за два эпизода кражи с банковского счёта. Судом было установлено, что виновная в двух банкоматах сняла денежные средства с банковского счёта потерпевшего, используя при этом его банковскую карту, зная пин-код от неё. В данном случае, несмотря

на то, что карта была одна и та же, суд установил, что это не продолжающееся преступление, как просил установить адвокат виновной, а два отдельных эпизода. Суворовой было назначено наказание по совокупности [22];

- виновный, заполучив банковскую карту с функцией бесконтактной оплаты, приобретает товары по своему усмотрению, тем самым причиняя ущерб потерпевшему. Банковскую карту виновный может также похитить или найти. Так, Ильина вместе со своим знакомым Моряковым нашла банковскую карту на детской площадке. Ильина предложила Морякову воспользоваться данной картой, осуществив покупки по данной карте в магазинах. Используя найденную карту, виновные приобрели товары на общую сумму 3165 рублей, рассчитываясь каждый раз найденной банковской картой. Своими действиями виновные обманывали продавцов, поскольку, прикладывая к терминалу банковскую карту, распоряжались ею как своей собственной. Действия виновных были квалифицированы по ч. 2 ст. 159.3 УК РФ [30].
- виновный, имея доступ к банковской карте потерпевшего, устанавливает на свой мобильный телефон приложение интернет-банкинга и рассчитывается в торговых точках, используя свой мобильный телефон, но списание денежных средств идет с банковского счёта потерпевшего. При этом банковская карта может находиться в физическом владении потерпевшего.

Действующая диспозиция ст. 159.3 УК РФ не содержит указания на наличие обмана, как это имеет место в других составах мошенничества, не указывает на введение в заблуждение. Законодатель определил только способ совершения мошенничества – используя электронные средства платежа. Ранее, до 2018 года, диспозиция данной статьи указывала на наличие обмана работника кредитной картой, торговой организации. В 2018 году законодатель

внёс изменения в диспозицию статьи, исключив указание на форму обмана, а также указание на принадлежность карты другому лицу [46].

В качестве особенности хищения является тайность деяния для потерпевшего. Последний не знает о совершении хищения с его банковского счёта до того момента, пока к нему придут смс-оповещения (если они подключены к мобильному телефону) или не узнает о пропаже (потери) банковской карты.

В приведенных выше примерах довольно однотипная ситуация, когда в распоряжении виновного находится банковская карта, принадлежащая потерпевшему, однако хищения квалифицируются по различным статьям УК РФ. В первом случае речь идет о краже с банковского счета, а во втором – мошенничестве, совершенного с использованием электронного средства платежа.

Разграничение кражи с банковских счетов и мошенничества по ст. 159.3 УК РФ вызывают сложности у правоприменителя, в том числе и судов общей юрисдикции. В частности, Конституционный Суд РФ рассматривал запрос Железнодорожного районного суда г. Рязани в части правомерности соотношения п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ и ст. 159.3 УК РФ. Суд общей юрисдикции указал, что фактически указанные нормы предусматривают ответственность за совершение одного и того же преступного деяния, что, по мнению суда, нарушает принципы уголовного права, в частности принцип равенства и правовой определенности [19].

Вопрос у суда общей юрисдикции возник в связи с рассмотрением уголовного дела П., обвиняемого в совершении хищения банковской карты Т., которой оплатил несколько покупок в магазинах. Органы предварительного расследования указали на наличие в действиях П. признаков мошенничества с использованием электронных средств платежа. Прокурор, участвующий в деле, указал на наличие в действиях П. признаки преступления – кражи с банковского счёта. Суд приостановил действие по уголовному делу и направил запрос в Конституционный Суд РФ с целью раскрытия особенностей

квалификации обозначенных преступлений, соответственно и преступного деяния П. в последующем.

При рассмотрении запроса рязанского суда Конституционный Суд РФ указал, что оба преступления (кража и мошенничество) являются хищениями. Уголовный закон не дал характерных особенностей кражи денежных средств с банковского счета и мошенничества, совершённого с использованием электронных средств платежа.

Однако, такая ситуация не свидетельствует о невозможности выявления специфических признаков, поскольку в данном случае можно воспользоваться нормами других отраслей. В частности, Конституционный Суд РФ указал на учёт норм, которые раскрывают понятие банковского счёта, электронных средств платежа, порядок их использования для проведения безналичных расчётов.

Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что нормы, раскрывающие сущность понятий, указанных в диспозициях уголовных статей, могут раскрываться в других нормативных актах [26].

Конституционный Суд РФ указал, что имеющиеся нормы банковского права в полной мере позволяют правильно толковать понятия, указанные в п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ и ст. 159.3 УК РФ. При покупке товара посредством бесконтактной оплаты продавец не наделен правом определять принадлежность предъявляемой для оплаты карты покупателю. Соответственно, говорить о наличии обмана в данном случае не приходится, соответственно, подобные случаи должны быть расценены как кража, а не мошенничество.

Несмотря на то, что Конституционный Суд РФ указал на возможность раскрытия сущности преступлений посредством обращения к нормам другой отрасли, он подчеркнул, что вопрос о квалификации хищения путем оплаты товара с использованием бесконтактной оплаты товара остается пока не решённым.

Учитывая, что после направления рязанским судом запроса в Конституционный Суд РФ Пленум Верховного Суда уточнил разъяснения по хищению. Конституционный Суд РФ прекратил рассмотрение запроса суда общей юрисдикции, но указал, что законодатель обладает полномочиями на уточнение признаков преступления в уголовном праве и более чётком разграничении таких смежных составов преступления, как кража по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ и ст. 159.3 УК РФ.

В 2021 году Пленум Верховного суда РФ внёс изменения в Постановление «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», подчеркнув, что снятие денежных средств в банкоматах с чужой банковской карты, а также посредством изготовления поддельной банковской карты, оплата товаров банковской картой другого лица следует рассматривать как кражу с банковского счёта. Однако, если при совершении хищения необходима была конфиденциальная информация (например, пин-код, пароли и логины), то следует говорить о совершении преступления, предусмотренного ст. 159.3 УК РФ [29].

В правовой доктрине идёт полемика на вопрос разграничения кражи с банковского счёта и мошенничества с использованием электронных средств платежа. В частности, можно привести мнение П.С. Яни, который указал, что совершение покупки в магазине посредством оплаты банковской картой, принадлежащей другому лицу, следует рассматривать как преступление по ст. 159.3 УК РФ.

По мнению ученого, оплата картой другого лица нарушает презумпцию добросовестности, продавец уверен в том, что карта принадлежит покупателю. Соответственно, покупатель обманывает продавца о намерении списать с его банковского счёта сумму покупки. Фактически происходит списание денежных средств с банковского счёта третьего лица. Преступник умалчивает продавцу о том, что он производит оплату чужой картой. Мошенничество предусматривает в качестве характерного признака наличие обмана,

соответственно, по мнению П.С. Яни вполне логично рассматривать такие действия как преступление по ст. 159.3 УК РФ [58, с. 40-41].

Абсолютно иное мнение разделяет М.А. Филатова. В своей работе она подчёркивает на наличие признака тайности в действиях лиц, осуществляющих оплату картой, принадлежащей другому лицу. Исходя из этого, признак тайности позволяет говорить о краже, а не о мошенничестве [48, с. 36].

Свои рассуждения о квалификации преступных деяний и разграничении преступлений по п. «г» ч. 3 ст. 158 и ст. 159.3 УК РФ указанные учёные раскрывали на страницах специальной литературы до принятия Верховным Судом РФ решения в отношении Ю.Ю. Кактина [20].

Верховный Суд РФ, рассматривая дело Ю.Ю. Кактина, засомневался в квалификации действий подсудимого и направил уголовное дело на новое рассмотрение. Исходя из материалов дела, Кактан нашёл на улице банковскую карту, принадлежащую потерпевшему, и оплатил ей несколько своих покупок. Действия были квалифицированы по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ как кража. Впоследствии в суде вышестоящей инстанции действия Кактана были переквалифицированы на ст. 159.3 УК РФ.

Однако заместитель Генерального прокурора не согласился с вынесенным решением Шестого кассационного суда общей юрисдикции и указал на ошибочность изменения квалификации действий. Заместитель Генерального прокурора указал, что виновный не вводил продавцов в заблуждение, не сообщал им о намерении произвести оплату картой, которая принадлежит ему. Состав мошенничества, как указал заместитель Генерального прокурора, в данном случае не имеется.

Верховный Суд РФ, учитывая момент совершения преступления, положения постановления Пленума Верховного Суда от 30.11.2017 № 48, поставил под сомнение правильность и обоснованность переквалификации преступления с кражи на мошенничество, кассационное определение было отменено и дело передано на новое кассационное рассмотрение.

В целом в специальной литературе отмечается многими исследователями, что разграничение рассматриваемых преступлений довольно сложно, грань между кражей (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ) и мошенничеством (ст. 159.3 УК РФ) очень тонкая и определить её в некоторых случаях очень сложно [16, с. 17-30] [18, с. 403-406].

Среди исследователей ведётся дискуссия относительно квалификации хищения, совершенного платёжной картой, имеющей функцию бесконтактной оплаты. Некоторые исследователи отмечают, что говорить о наличии состава преступлений по ст. 159.3 УК РФ не представляется возможным, поскольку сотрудники торговых организаций не имеют полномочий на осуществление проверки принадлежности карты покупателю [12, с. 135-140]. Банковские работники имеют право проверить такой факт при обращении клиента, но обычные продавцы, сотрудники торговых организаций не наделены таким правом.

Соответственно, говорить о наличии обмана в действиях виновного по отношению к сотруднику торговой организации не представляется возможным. В отношении потерпевшего также отсутствует обман, поскольку зачастую он ещё не знает о совершённом преступлении.

Другая группа учёных рассматривают в данной ситуации наличие молчаливого обмана [24, с. 71-77]. Окружающие (в том числе сотрудники торговой организации) полагают, что покупатель производит расчёт картой, которая принадлежит ему на законных основаниях. Действует принцип добросовестности в данном случае.

В качестве примера можно привести приговор, вынесенный в отношении Шарипова В.

Суд первой инстанции установил, что Шарипову потерпевший добровольно передал свою банковскую карту для покупки одной бутылки водки. Виновный, заполучив карту, совершил несколько покупок в различных точках, которые не были оговорены потерпевшим. Потерпевшему был

причинен значительный ущерб. Действия Шарипова были квалифицированы по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Вышестоящая инстанция, рассмотрев поступившую жалобу, переквалифицировала действия Шарипова на ст. 159.3 УК РФ, поскольку «сама банковская карта потерпевшей не была похищена Шариповым Р.Ф., и он, осознавая неправомерность своих действий, похитил с её помощь денежные средства, осуществляя расчёты за товар бесконтактным способом и умалчивая перед сотрудниками торговых организаций о незаконном владении им платежной картой» [23].

На практике довольно много случаев изменения квалификации преступных действий в случаях оплаты товара банковской картой. Так, Бегунов А.В. произвёл оплату товара посредством бесконтактной оплаты товара, в результате которой денежные средства были списаны с банковского счёта потерпевшего. Суд первой инстанции квалифицировал действия виновного по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, однако в данном случае необходимо было проводить квалификацию по ст. 159.3 УК РФ, поскольку имелись признаки обмана [21].

Некоторые исследователи указывают, что при оплате товаров чужой банковской картой виновный не представляет сотруднику торговой организации документов, организации документов, удостоверяющих личность, но и не скрывает свою личность [57, с. 30-35] [13, с. 25-28]. Исходя из этого, исследователи указывали на невозможность квалификации такого рода преступлений по ст. 159.3 УК РФ.

Сложность в разграничении рассматриваемых преступлений приводит некоторых исследователей к выводу о том, что ст. 159.3 УК РФ будет являться фактически мертвой нормой уголовного закона, поскольку в большей части судебная практика рассматривает хищение посредством банковских карт как кражу [36, с. 128-130].

Как мошенничество, оплата покупок картой, принадлежащей другому лицу, будет рассматриваться только при наличии обмана. Например,

уполномоченный сотрудник попросит предъявить доказательства принадлежности карты конкретному покупателю. В данном случае покупательница может указать, что карта принадлежит её супругу. Фактически запретить продажу товара при отсутствии документов, подтверждающих принадлежность карты покупателю, законодательством не предусмотрено. Отказ в совершении платежа может быть расценён как нарушение права потребителя совершить сделку.

На практике может возникнуть ещё одна довольно сложная ситуация, когда лицо, владея на незаконных основаниях банковской картой, совершает одновременно снятие денежных средств в банкомате, переводит денежные средства с банковского счёта на другие счета посредством системы быстрых платежей, пополняет личные счета на маркетплейсах, осуществляет расчёт в интернет-магазинах, а также на кассах самообслуживания.

Фактически в данном случае необходимо проводить квалификацию как по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, так и по ст. 159.3 УК РФ. Однако практически осуществить такую квалификацию не представляется возможным. Вызывает затруднения, как провести разграничение таких действий.

В качестве примера можно привести уголовное дело С., которое рассматривалось Сосногорским городским судом Республики Коми. Суд установил, что С. знал пин-код банковской карты, воспользовался ей. Сначала С. произвел снятие наличных средств в банкомате в размере 60 000 рублей, в дальнейшем в ТРЦ снял ещё 10 000 рублей, произвел покупку товаров на сумму более 109 000 рублей [32].

Суд первой инстанции, рассмотрев уголовное дело, признал С. виновным в совершении двух преступлений – п. «г» ч. 3 ст. 158 и ст. 159.3 УК РФ. Такой вывод суд сделал, «поскольку ему (виновному) потерпевшим была передана карта, а не денежные средства, находящиеся на банковском счёте потерпевшего. При этом потерпевший указал лимит расходования денежных средств и конкретные виды товаров, которые должны были быть приобретены подсудимым. Используя банковскую карту потерпевшего для снятия

денежных средств, подсудимый тайно похищал денежные средства с банковского счёта потерпевшего, то есть совершил кражу с банковского счёта, а расплачиваясь ею в магазинах, не уведомлял продавцов о том, что владеет картой незаконно, совершил мошенничество с использованием электронного средства платежа, в связи с чем, квалифицирующие признаки – «хищение с банковского счёта» и «с использованием электронных средств платежа» нашли своё подтверждение». Суд подчеркнул, что говорить о возможности иной квалификации преступного деяния С. не представляется возможным.

Данное дело было рассмотрено в вышестоящих инстанциях, вплоть до Верховного Суда РФ [11]. Все инстанции подтвердили законность и обоснованность вынесенного приговора С. Позицию защиты о возможности квалифицировать такое преступление как дящуюся кражу, вышестоящие суды также опровергли.

Исследователи отмечают, что впоследствии могут появиться другие проблемы в квалификации преступных деяний, поскольку современные технологии развиваются быстро, а имеющиеся уже предоставляют возможности для осуществления различных операций с денежными средствами, находящимися на банковском счёте, электронными денежными средствами [8].

Следует указать, что некоторые аспекты современного информационного общества не учитываются законодательством. Например, законодатель не предусматривает, как надлежит квалифицировать хищение денежных средств, совершённое посредством чужих смарт-часов. Представляется, такого рода хищения необходимо расценивать как кражу или как мошенничество в зависимости от характера совершенных действий. Несмотря на то, что при хищении используется не банковская карта, а смарт-часы, предметом преступного посягательства будут выступать денежные средства, которые находятся на банковском счёте лица. Законодатель не делал различий между устройством, при помощи которого было совершено хищение с банковского счёта. Анализ практики свидетельствует, что в

качестве такого устройства может выступать не только банковская карта, но и смартфон, смарт-часы, ПК, планшет и др. Гаджет может быть абсолютно любым, главное – оснащение специальной технологией, позволяющей осуществить хищение.

В уголовно-правовой доктрине не выявлено дискуссии относительно средств, посредством которых совершается хищение денежных средств с банковского счета потерпевшего. Исследователи не рассматривают с данного аспекта проблемы квалификации денежных средств с банковских счетов потерпевшего.

Рассматривая проблемы квалификации кражи с банковских счетов нельзя не отменить опрометчивый характер законодателя и отнесение данного преступления к тяжким преступлениям. В случае с преступлением по ст. 159.3 УК РФ ситуация будет иной, поскольку оно относится к преступлениям средней тяжести. На данную проблему особо обратил внимание А.В. Архипов, который рассматривал наказание в зависимости от суммы похищенного [4, с. 4-9].

Так, например, в случае оплаты товара чужим электронным средством платежа виновный будет привлечен к ответственности по ст. 159.3 УК РФ, по которому максимально наказание определено в три года лишения свободы. В случае перевода с банковского счёта потерпевшего определенной суммы на свой расчётный счёт, действия виновного будут квалифицироваться уже как кража с банковского счёта, наказание за которое предусмотрено в шесть лет лишения свободы. При этом суммы могут быть абсолютно одинаковыми. Для пострадавшего не имеет значение, каким образом у него были похищены денежные средства: оплатил ли виновный непосредственно покупки в магазинах или совершил денежный перевод с его счёта. Однако виновный будет нести в случае квалификации его действий как кража ответственность более серьёзную. При этом необходимо подчеркнуть, что похищение суммы в 10 рублей также будет расцениваться как преступление по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, соответственно, может повлечь лишение свободы на срок до 6 лет.

В случае оплаты товаров на сумму 1 000 рублей хищение будет признаваться мелким и повлечет не уголовную, а административную ответственность. В то же время перевод с банковского счёта потерпевшего на свой счёт действия виновного будут квалифицироваться по ст. 159.3 УК РФ. Иными словами, при переводе абсолютно любой суммы денежных средств (причинения любого ущерба) повлечёт одинаковую ответственность. Такая ситуация не способствует соблюдения принципа справедливости, а назначенное наказание не будет направлено на исправление осужденного.

Такая ситуация свидетельствует о необходимости устранения обозначенной проблемы путём внесения изменений в УК РФ в части установления размера причинённого ущерба применительно к краже с банковского счёта и приведение к единому «знаменателю» ответственность по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ и ст. 159 УК РФ. Как уже отмечалось, фактически характер рассматриваемых преступлений не различается существенно. Как представляется, степень общественной опасности у преступлений будет одинаково. Вызывает недоразумение отнесение этих преступлений к преступлениям разной тяжести.

В настоящее время Верховный суд РФ в определении от 29.09.2020 № 12-УДП20-5-К6 установил единообразное понимание для органов судебной власти Российской Федерации судебной практики по обозначенным вопросам квалификации, в частности, определив, что хищение денежных средств путём бесконтактной оплаты товаров банковской картой, не принадлежащей виновному лицу, подлежит квалификации по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Указанные разъяснения безусловно были необходимы и стали играть довольно важную роль, поскольку имеющиеся на сегодняшний день правоприменительная практика не отличалась единообразием, а наоборот отмечались случаи переквалификации преступлений.

Кроме того, среди исследователей и научных деятелей отсутствовал единый подход к раскрытию признаков, необходимых условий для

привлечения лица к соответствующей уголовной ответственности и существенных особенностей по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ и ст. 159.3 УК РФ.

Проведенное исследование свидетельствует о наличии существенных разногласий и противоречий в квалификации преступлений по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ и ст. 159.3 УК РФ как на практике, так и в теории.

Внесенные законодателем изменения в УК РФ 15 марта 2023 года в диспозиции рассматриваемых статей существенным образом расширили предмет использования положений уголовных нормативно-правовых актов, однако правоприменительная практика, как справедливо отмечает М.М. Савченко, не отличается единообразием, что затрудняет действия правовых практиков по квалификации преступления [40].

Таким образом, подводя итоги по всему вышеуказанному, необходимо отметить, что в процессе данного исследования выявлен пробел в назначении наказания за хищение с банковского счёта, когда уголовная ответственность может наступить и за хищение 10 рублей. В такой ситуации возникает вопрос о том, что в данном направлении законодательным и другим уполномоченным органам необходимо уточнить и более подробно рассматривать возможность признания хищения мелким, в то же время установив, в частности, административную ответственность за совершенное неправомерное и наказуемое законодательством Российской Федерации деяния.

Заключение

Кража в настоящее время представляет собой существенную угрозу национальной безопасности Российской Федерации. Как одна из категорий имущественных преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации, кража является наиболее распространенными уголовно наказуемым деянием, что обуславливает необходимость исследования данного феномена, а также формирования путей совершенствования предупредительной деятельности в рассматриваемом направлении.

Кражи в современных условиях развития общества являются одним из наиболее распространенных преступлений в имущественной сфере, что подтверждается соответствующими статистическими данными. Кража посягает на право собственности не только отдельного гражданина, но и организации, муниципалитета, всего государства.

Принимая во внимание тему выпускной квалификационной работы, нами было уделено большее внимание такой разновидности краж, как хищение бюджетных средств и государственного имущества, поскольку данное преступление посягает не только на собственность, но и на экономическую безопасность государства, которая в свою очередь выступает важнейшей составляющей национальной безопасности.

В условиях сохранения существующей равной уголовно-правовой охраны всех форм собственности, все же полагаем необходимым провести реформирование действующего законодательства в аспекте дифференциации ответственности с учетом повышения размеров причиненного имущественного ущерба.

С целью реализации данной концепции целесообразно в статьях Особенной части УК РФ, устанавливающих ответственность за различные формы хищения, в том числе, за кражу, выделить дополнительные особо квалифицированные составы, предусматривающие ужесточенную

ответственность за совершение хищения в условиях повышенного особо крупного размера, а также «сверхкрупного размера».

Введение такой нормы в Уголовный кодекс Российской Федерации позволит устанавливать реальные меры и инструменты уголовно-правовой охраны общественных отношений, которые складываются не только в процессе реализации права собственности, но и в ходе обеспечения экономической безопасности государства, поскольку в последнем случае размеры существенно превышают пределы, установленные законодательством по общему правилу.

Предупреждение кражи выступает важнейшим направлением государственной политики в вопросах обеспечения национальной безопасности. С целью формирования полноценной, эффективной системы предупреждения кражи, целесообразно обратиться к нескольким направлениям совершенствования:

- Инициирование проведения полноценного криминологического исследования краж, в рамках которого могут быть выявлены причины и условия, способствующие совершению преступления, особенно личности виновных, а также иные ценные определенные сведения. На основании полученных результатов могут быть сформированы эффективные организационные меры противодействия кражам как на национальном, так и на региональном уровнях;
- Совершенствование правовых основ противодействия краж – в первую очередь целесообразно реформировать уголовное законодательство, а именно, ст. 158 УК РФ. Кроме того, в рамках данного направления было бы целесообразно сформировать на ведомственном уровне приказ МВД России, регламентирующий порядок и особенности взаимодействия отдельных подразделений по предупреждению краж. Кроме того, следует наладить

межведомственное взаимодействие посредством формирования соответствующих правовых актов.

Своеобразие кражи, позволяющее отличить её от присвоения, растраты других форм хищения, состоит в способе совершения. При совершении хищения путем кражи виновный не наделен никакими правомочиями в отношении имущества, он противоправно и безвозмездно изымает его помимо воли собственника.

Изъятие имущества лицом, не обладающим правомочиями по распоряжению, управлению, доставке или хранению этого имущества, должно квалифицироваться как кража, даже если виновный имел к нему доступ в связи с порученной работой.

Этот вывод обосновывается тем, что умышленная вина при краже предполагает осознание тайного характера похищения, и потому решающее значение следует придавать субъективному критерию – представлению виновного о характере совершаемых им действий. Следует отметить, что рост различных видов краж связан с экономической ситуацией. Способствовать этому будет сложная социально-экономическая ситуация в стране.

Используя социально-психологические особенности граждан, прежде всего пожилого возраста, в условиях пандемии COVID-19 злоумышленники применяли новые и совершенствовали уже отработанные способы хищения денег у населения.

Актуальной для судебной практики остается проблема отграничения хищений от присвоения найденного имущества. Главным образом проблема эта связана с определением того, является ли имущество чужим в случае, когда собственник не отказался от своего титула, но при этом сам утратил господство над вещью и никому не вверил её.

Таким образом, при разграничении кражи и находки, от показаний, как потерпевшего, так и подозреваемого, обвиняемого, в целом зависит юридическая квалификация содеянного.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Анисимов В.Ф. История законодательства России о преступлениях против собственности с признаками хищения / В.Ф. Анисимов // Вестник Югорского государственного университета. 2009. № 4 (15). С. 52-58.
2. Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Башкортостан от 23.03.2021 по делу № 22-1665/20121 // СППС «Гарант».
3. Апелляционное постановление Московского городского суда от 02.08.2017 № 10-9260/17 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Архипов А.В. Ответственность за хищение безналичных и электронных денежных средств: новеллы законодательства // Уголовное право. 2018. № 3. С. 4-9.
5. Безбородов Д.А. Квалификация присвоения найденного или случайно оказавшегося у лица имущества // Уголовная политика и правоприменительная практика: Сб. ст. по матер. III Всерос. Науч.-практ. конф. СПб., 2015. С. 25-29.
6. Бриллиантов А. Хищение или неосновательное обогащение // Уголовное право. 2016. № 4. С. 9-14.
7. Голованова Н.А. Уголовное право зарубежных стран: общая и особенная часть: учебник. М. : Юрайт, 2015. С. 1034.
8. Жданов Ю.Н., Овчинский В.С. Киберполиция XXI века. Международный опыт. М.: Международные отношения, 2020. С. 288.
9. Карпов К.Н. Отграничение тайного хищения чужого имущества от присвоения найденного // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2015. № 2. С. 44-49.
10. Карпов К.Н., Галян С.В. Квалификация неправомерного присвоения найденного имущества // Законодательство и практика. 2014. № 1. С. 48.
11. Кассационное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 10.08.2021 № 3-УДП21-18-К3 // СПС «Гарант».

12. Корепанова Е.А. Платежная карта – предмет или средство совершения мошенничества? // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2016. Т. 1. № 4. С. 135-140.
13. Лихолетов А.А., Лихолетов Е.А., Решняк О.А. Содержание некоторых признаков объективной стороны мошенничества с использованием пластиковых карт // Российская юстиция. 2018. № 4. С. 25-28.
14. Лукинов А.С., Малявкин К.О. Кража или находка – трудности и заблуждения // Законность. 2017. № 10. С. 42-43.
15. Министерство внутренних дел Российской Федерации. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2020 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678181/> (дата обращения: 15.01.2023).
16. Мирончик А.С., Сулопаров А.В. Хищения в электронной среде как разновидность информационных преступлений: проблемы разграничения и квалификации // Юридические исследования. 2019. № 9. С. 17-30.
17. Мошенничество с сети: судебная практика и ключевые аспекты. URL: <https://rtmtech.ru/research/online-fraud-research/> (дата обращения 15.01.2023).
18. Олейник Е.Н. Проблематика отграничения кражи имущества с банковского счёта от мошенничества с использованием электронных средств платежа // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 2 (23). С. 403-406.
19. Определение Конституционного Суда РФ от 09.07.2021 № 1374-О // СПС «КонсультантПлюс».
20. Определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29.09.2020 № 12-УДП20-5К6 // СПС «Гарант».
21. Определение СК по уголовным делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 27.08.2020 по делу № 7У-9972/2020[77-1617/2020] // СПС «Гарант».
22. Определение СК по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 23.09.2020 по делу № 7У-10287/2020[77-1775/2020] // СПС «Гарант».

23. Определение СК по уголовным делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 06.08.2002 по делу № 7У-10320/2020[77-1793/2020] // СПС «Гарант».

24. Перетолчин А.П. Некоторые проблемы квалификации мошенничества с использованием электронных средств Платежа // Алтайский юридический вестник. 2019. № 4. С. 71-77.

25. Постановление Конституционного Суда РФ от 12.01.2023 № 2-П // СПС «Гарант».

26. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2023 № 9-П; от 14.02.2013 № 4-П, от 17.06.2014 № 18-П // СПС «КонсультантПлюс».

27. Постановление Московского городского суда от 25.04.2017 № 4у/2-1030 // СПС «Гарант».

28. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда. 2003. № 2.

29. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2021 № 22 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» // российская газета, № 159, 16.07.2021.

30. Приговор Канашского районного суда Чувашской Республики – Чувашии от 07.09.2020 по делу № 1-211/2020 // СПС «Гарант».

31. Приговор Комсомольского районного суда ль 25.04.2017 № 4у/2-1030 // СПС «Гарант».

32. Приговор Сосновского городского суда Республики Коми от 26.02.2020 по делу № 1-43/2020 // СПС «Гарант».

33. Приговор Сулейман-Стальского районного суда (Республика Дагестан) № 1-72/2017 от 27 сентября 2017 г. – Режим доступа. URL: // <http://www.rospravosudie.com>. (Дата обращения: 27.09.2022).

34. Приговор Сулейман-Стальского районного суда (Республика Дагестан) № 1-83/2017 от 18 октября 2017 г. – Режим доступа. URL: // <http://www.gospravosudie.com>. (Дата обращения 27.09.2022).
35. Рачкова Н.С., Шестаков Д.А. Уголовный кодекс ФРГ – СПб: Юрид. Центр Пресс, 2003. С. 524.
36. Русскевич Е.А., Чернова К.Б. Актуальные проблемы квалификации хищений, совершаемых с использованием электронных средств платежа // Вестник экономической безопасности. 2021. № 1. С. 128-130.
37. Рыбаков С.В. Некоторые страницы истории отношений Руси с Византией / С.В. Рыбаков // Казачество. 2013. № 1. С. 11-17.
38. Рябинин Н.А., Филипсон К.Ю. Соотношение кражи и находки: вопросы теории и практики // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 3 (91). С. 121-130.
39. Савченко Д.А. Создание Соборного Уложения: исторический опыт модернизации отечественного законодательства / Д.А. Савченко // Вестник НГУЭУ. 2017. № 3. С. 164.
40. Савченко М.М. Проблемы уголовно-правовой защиты безопасности денежных средств физических лиц, размещённых на счетах в банках // Юридическое образование и науки. 2021. № 4. С. 34-40.
41. Скляр С. Кража забытого имущества // Уголовное право. 2017. № 3. С. 68-73.
42. Солина О.А. Развитие ответственности за хищение собственности после 1917 года / О.А. Солина // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2. С. 82.
43. Талан М.В. Законодательство европейских государств об экономических преступлениях / М.В. Талан // Учен. Зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2015. № 6. С. 176.
44. Тишков С.В. История борьбы в СССР с хищениями социалистической собственности / С.В. Тишков // Историко-экономические исследования. 2018. № 5. С. 92.

45. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 14.07.2022) // СЗ РФ. 1996. 17 июня. Ст. 2954.
46. Федеральный закон от 23.04.2018 № 111-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 18. Ст. 2581.
47. Федоров М.В. Договор Руси с Византией: учебно-методическое пособие. М., 2012. С. 87.
48. Филатова М.А. Хищение с использованием чужой банковской карты в магазине образует состав кражи // Законность. 2020. № 12. С. 34-38.
49. Харламов Д.Д. Кража в системе имущественных преступных деяний по УК Российской Федерации и ФРГ / Д.Д. Харламов // Проблемы в российском законодательстве. 2016. № 2. С. 133-136.
50. Хачатрян А.В. Преступления против собственности по Псковской судной грамоте / А.В. Хачатрян // Вектор науки ТГУ. 2009. № 2. С. 154-157.
51. Хилюта В.В. Кража и присвоение найденного: проблемы соотношения и выявления разграничительных признаков // Журнал российского права. 2019. № 2. С. 132-143.
52. Хилюта В.В. Формы хищения в доктрине уголовного права. М. // Юрлитинформ. 2014. С. 25-28.
53. Хромов Е.В. Вина и статус найденной вещи как главные критерии разграничения кражи и находки // Уголовное право. 2019. № 2. С. 86-95.
54. Шпаковский Ю.Г. Псковская судная грамота / Ю.Г. Шпаковский // Вестник университета имени О.Е. Кутафина. 2018. № 2. С. 146-161.
55. Юрченко И.А. Мелкое преступление: новеллы российского уголовного законодательства и вопросы его совершенствования / И.А. Юрченко // Вестник Омской юридической академии. 2018. № 1. С. 58-63.
56. Яни П. Квалификация хищений: момент окончания, безвозмездность, ущерб // Законность. 2015. № 12. С. 43-47.
57. Яни П.С. Мошенничество с использованием электронных средств платежа // Законность. 2019. № 4. С. 30-35.

58. Яни П.С. Хищение с использованием чужой банковской карты в магазине следует квалифицировать как мошенничество // Законность. 2020. № 12. С. 39-43.

59. Bronitt S., McSherry B. Principles of Criminal Law. 3rd ed. Sydney, 2006. P. 746-748.

60. Galma Jahic, and Aslı T. Akdaş Mitrani. "International Crime Victim Survey 2005: Criminal Victimization in Istanbul Households" Procedia - Social and Behavioral Sciences, vol. 5, 2010. P. 118-121.

61. Joseph Murray, Daniel Ricardo De Castro Cerqueira, and Tulio Kahn. «Crime and violence in Brazil: Systematic review of time trends, prevalence rates and risk factors» Aggression and Violent Behavior, vol. 18, no. 5, 2013. P. 472-476.

62. Mazzone A. Identity Fraud – Government Legislative Responses // Victorian Government Solicitor's Office. URL: <http://vgso.vic.gov.au/sites/default/files/publications/Identity%20Fraud%20-%20Government%20Legislative%20Responses.pdf/> (дата обращения 15.01.2023).

63. Natasa Gisev, Amy Gibson, Sarah Larney, Jo Kimber, Megan Williams, Anton Clifford, Michael Doyle, Lucy Burns, Tony Butler, Don J Weatherburn, and Louisa Degenhardt. «Offending, custody and opioid substitution therapy treatment utilisation among opioid-dependent people in contact with the criminal justice system: comparison of Indigenous and non-Indigenous Australians» BMC Public Health, vol. 14, no. 1, 2014. P. 1-16.